

История Общество Политика 2024 №1(29)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

**№ 1(29)
2024**

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2024. №1 (29)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 30.03.2024

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2024
© Коллектив авторов, 2024

HISTORY SOCIETY POLICY

**N 1 (29)
2024**

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2024. №1 (29)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 30/03/2023

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of general history and international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2024

© Authors, 2024

Содержание

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

- Прилуцкий В.В., Кузенков А.Е.* Ютская война (1857-1858 гг.) 6
- Салимон В.Ю.* Ф.-Д. Тронше, Г.-Ж.-Б. Тарже и «дело» Людовика XVI 14

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- Ешпанов В.С.* Деятельность детских домов на территории Актюбинской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.) 25

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ

- Рытиков А.А.* «Попечение о раненых и больных воинах». Из истории Брянского Местного комитета Российского общества Красного Креста 31
- Щевелев Н.Ю.* Сожжение Брянска 1582 года, как вопрос исторической достоверности в литературе 37

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

- Артамошин С.В.* Гражданский плен в годы Великой войны (размышление о книге: Феномен гражданского плена в России и Германии в годы Первой мировой войны/Отв. ред. Н.В. Ростиславлева, А. Бауэркемпер. – М.: РГГУ, 2023. – 481 с.) 41
- Артамошин С.В.* Заговор 20 июля 1944 г. в Германии (Размышления о книге: Хавкин Б.Л. Заговор. Немцы против Гитлера. – СПб.: Нестор-История, 2024. – 272 с.) 44

- О сетевом издании «История. Общество. Политика»** 47

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(73)"1857/1858"

В.В. Прилуцкий, А.Е. Кузенков
ЮТСКАЯ ВОЙНА (1857-1858 гг.)

Аннотация: в статье рассмотрены основные события Ютской войны – вооруженного конфликта между мормонами и федеральными войсками в 1857–1858 гг. Мормоны – уникальная конфессия, возникшая в штате Нью-Йорк в 1830 г. и считающаяся одной из «сугубо американских религий». Вынужденные под давлением властей и враждебно настроенного местного населения переселиться на Дальний Запад, мормоны создали на территории Юты теократическое «государство в государстве». Они сумели успешно реализовать на практике утопический проект переустройства общества свою религиозную и социально-политическую утопию. Но стремление к изоляции от американской жизни в труднодоступном регионе и практика многоженства вызывали подозрения в нелояльности и опасной, деструктивной деятельности со стороны Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Правительство США предприняло усилия, чтобы уничтожить мормонское квазигосударство и восстановить законность и порядок в Юте. Вооруженный конфликт привел к жертвам в сентябре 1857 г. Эти события получили известность как Резня на Горных Лугах. Интерес к Ютской войне связан с тем, что данная тема является малоисследованной в отечественной историографии.

Ключевые слова: религиозные движения в новой истории США, мормоны, освоение Дальнего Запада США, история штата Юта, Бригам Янг, Ютская война

Prilutskiy V.V., Kuzenkov A.E. The Utah War (1857–1858)

Abstract: the article examines the main events of the Utah War – an armed conflict between Mormons and federal troops in 1857–1858. Mormons are a unique denomination that arose in New York State in 1830 and is considered one of the "purely American religions". Forced by the pressure of the authorities and the hostile local population to move to the Far West, the Mormons created a theocratic "state within a state" on the territory of Utah. They were able to successfully put into practice the utopian project of rebuilding society, their religious and socio-political utopia. But the desire for isolation from American life in a remote region and the practice of polygamy raised suspicions of disloyalty and dangerous, destructive activities on the part of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. The U.S. government has made efforts to destroy the Mormon quasi-state and restore law and order in Utah. The armed conflict led to casualties in September 1857. These events became known as the Mountain Meadows Massacre. The interest in the Utah War is due to the fact that this topic is little explored in Russian historiography.

Keywords: religious movements in the modern history of the United States, Mormons, the development of the Far West of the USA, the history of Utah, Brigham Young, the Utah War

«В Война в Юте», «Мормонская война», «Экспедиция в Юту», «так называемая война», «ошибка Бьюкенена» – всеми этими названиями обозначают конфликт между мормонами-поселенцами и правительством США. Конфликт произошел на территории современного американского штата Юта в период с мая 1857 г. до лета 1858 г. Несмотря на то, что данная война не являлась таковой в классическом понимании, поскольку стороны пытались всячески избежать прямых столкновений, в ней нашлось место жертвам.

Одна из сторон конфликта, мормоны-поселенцы, начали прибывать в Юту, на тот момент являвшуюся частью Мексики, в 1847 г. [3, с. 89-94] Официально они называли свое религиозное движение «Церковью Иисуса Христа Святых последних дней». Мормоны

вынуждены были бежать в Юту из Иллинойса, где был убит основатель Церкви Джозеф Смит-младший (1805-1844). Ульям Лоу (1809-1892) и еще несколько прежних приверженцев мормонизма в газете «Nauvoo Expositor» обвинили Смита в многоженстве и желании создать в штате де-факто теократическое государственное образование. Начавшееся судебное разбирательство привело 27 июня 1844 г. к убийству Смита разъяренной толпой [3, с. 88]. Обвинения действительно были не совсем беспочвенны. В созданном Смитом учении действительно одобрялось многоженство; в некоторых раскольнических мормонских общинах оно сохраняется до сих пор. Многоженцы-мормоны, жившие сплоченной общиной, активно вербовавшие в свои ряды новых последователей. Склонные вмешиваться в местную экономическую жизнь, они пугали и озлобляли местных жителей, где бы они не поселялись [3, с. 83-87]. Еще до событий в Иллинойсе мормонов изгнали из штата Миссури, где губернатор издал приказ об их «уничтожении». Гибель Смита привела к расколу церкви. Большинство жителей Наву под руководством нового пророка Бригама Янга (1801-1877) отправились в практически незаселенную и неосвоенную Юту.

Янг, считавший себя главным наследником Смита, предполагал, что изолированная от остального мира Юта обеспечит мормонам свободное исповедание их веры. В сентябре 1850 г. Юта вошла в состав Соединенных Штатов на правах территории, но не штата, как об этом мечтали мормоны [3, с. 94-95]. Первым губернатором большой по площади территории, в которую первоначально входили полностью земли современного штата Юта, большей части Невады, Колорадо и некоторых районов Вайоминга, стал Янг (1851-1858 гг.). Незадолго до этого события в 1848 г. в Калифорнии было найдено золото. Охваченные «золотой лихорадкой» старатели направились к приискам в том числе и через Юту, закончив изоляцию поселенцев. Мормоны обратились к правительству с идеей создания штата Дезерет, и единственным их желанием была возможность самим выбирать управленцев. Фактически они хотели видеть у власти в своем штате свое церковное руководство. Президент США Миллард Филлмор (1850-1853) пошел на компромисс, и согласился на назначение Янга губернатором территории Юта.

Во время президентских выборов 1856 г. Республиканская партия выступила как против рабства, так и против полигамии, процветавшей в Юте. Демократы, сторонники «суверенитета поселенцев», ранее распространявшие этот принцип и на территорию Святых последних дней, теперь отказались поддерживать его в отношении мормонов ради решения более значимых вопросов, связанных с рабством в США. Все больше опасений также вызывало подозрение мормонов в создании собственного квазигосударства на Дальнем Западе со своими законами, формальными и неформальными лидерами и ополчением. Многие представители Церкви Святых последних дней стали получать с каждым годом все больше административных постов в Юте, которые фактически совпадали по степени влияния с их должностями в Церкви. Руководители мормонской церкви убеждали последователей решать вопросы непосредственно через церковный арбитраж, не обращаясь в федеральные суды. В газетах усиливались слухи о неблагонадежности мормонов и их стремлении установить диктаторский режим. Их стали обвинять в нарушении законов государства, распространении «безнравственного» многоженства, в попытке создания теократической тирании. Журналисты и публицисты всячески раздували и приукрашивали в прессе информацию о прошлых конфликтах с участием мормонов [6].

Данным слухам способствовали плохие отношения мормонов с федеральными чиновниками – назначенцами в Юте. Поселенцы отстаивали свой образ жизни, считали, что весь их уклад полностью соответствует Конституции США. В то же время, федеральные власти были шокированы полигамией, практикой церковных судов. Многие федеральные чиновники

считали мормонов безнравственными людьми. Наибольший вклад в создание подобных представлений о мормонах внесли свидетельства судьи Уильяма Драммонда (ум. 1888). Он заявил, что мормоны не знают никаких законов, кроме слепого подчинения своему священству, и губернатор Бригам Янг также не соблюдает верховенства федеральных законов. Несмотря на просьбы мормонских делегатов в Конгрессе провести справедливое расследование всех обстоятельств, новый президент США Джеймс Бьюкенен (1857-1861) посчитал насущной необходимостью смену губернатора Юты. Президент принял решение назначить новым губернатором территории Альфреда Камминга (1802-1873), и вместе с ним отправить отряд в количестве 2,5 тыс. солдат. Единственным приказом для войск под командованием полковника Альберта Сидни Джонстона (1803-1862) было войти на территорию для помощи губернатору в «установлении закона». Бригаду Янгу официально не сообщили о смене губернатора, как и о направленных федеральных войсках, и он узнал об этом с опозданием. Мормоны опасались, что их преследования вновь возобновятся, и были морально готовы к тому, что солдаты собираются их уничтожить. Янг приказал жителям на всей территории Юты быть готовыми к отступлению в горные районы, накопить запасы продовольствия и корма для скота, а также приготовиться к разрушению собственных домов. В августе 1857 г. был приведен в боевую готовность «Легион Наву», мормонское ополчение, под командованием апостола Дэниела Уэллса (1814-1891). Янг ввел в Юте в сентябре 1857 г. военное положение. Массовая истерия, возникшая среди мормонов на волне страха из-за предстоящего вторжения правительственных войск, и усилившееся недоверие ко всем чужакам привели к трагическим последствиям [3, с. 96-97].

Караван переселенцев во главе с Джоном Твитти Бейкером и капитаном Александром Финчером (1812-1857) направлялся из Арканзаса в Калифорнию. Однако из-за военного положения не смог пополнить запасы в г. Солт-Лейк-Сити. Караван был замечен 7 сентября 1857 г. на крайнем юго-западе Юты в районе Маунтин-Мидоуз (Горные Луга) майором мормонского ополчения Джоном Ли (1812-1877), который посчитал его потенциально опасным. Под видом индейцев его отряд 5 дней безуспешно атаковал переселенцев, которые укрывались в вырытых траншеях и за укреплениями из повозок. Мормоны сумели отрезать их от воды. 11 сентября 1857 г., показав белый флаг, бойцы мормонской милиции выманили переселенцев на переговоры, потребовав сложить оружие для того, чтобы свободно продолжить движение дальше. В итоге они воспользовались замешательством и убили безоружных 120 чел. В живых из всего каравана остались только 17 детей в возрасте менее 7 лет. Расследование федеральными властями осуществлялось с 1859 г. Единственным человеком, который впоследствии понес наказание за это преступление, был майор Ли, которого расстреляли по приговору суда в марте 1877 г. Истинный организатор Резни в Маунтин-Мидоуз (Mountain Meadows massacre) мормонский пророк Бригам Янг не дожил до расследования и справедливого приговора, умер в августе 1877 г. Долгое время мормоны пытались возложить вину на местных индейцев из племени паютов, часть из которых участвовала в нападении и состояла в Церкви Святых последних дней.

В мае 1859 г. майор (будущий бrevet-генерал-майор) Джеймс Генри Карлтон (1814-1873) с отрядом кавалеристов посетил место гибели переселенцев. По свидетельству очевидцев, человеческие кости оказались растащены дикими животными и разбросаны на протяжении 2-х миль. Останки 34 чел. были найдены и захоронены в их бывших оборонительных траншеях, над которыми соорудили пирамиду с деревянным крестом. На гранитной плите солдаты оставили надпись: «Здесь в начале сентября 1857 г. были хладнокровно убиты 120 мужчин, женщин и детей. Они были выходцами из Арканзаса». На кресте было написано: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» [4]. Останки еще 26 предполагаемых жертв резни в 1859 г. были захоронены в полутора милях севернее от места расправы в 3-х братских могилах. В мае

1861 г. эти края посетила группа мормонов (60 чел.) во главе с пророком Янгом, по приказу которого памятник был разрушен. Однако в мае 1864 г. калифорнийская кавалерийская рота восстановила памятник – пирамиду над братской могилой, оставив на новом кресте следующую надпись: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. Резня в Маунтин-Мидоуз. Сентябрь 1857 г.». В 1870 г. вандалы вновь разрушили памятник, который вскоре был опять восстановлен. В августе – сентябре 1932 г. по инициативе местных мормонов и Ассоциации пионерских троп и достопримечательностей штата Юта была сооружена заградительная стена возле оставшихся камней памятника 1859 г. и установлена мемориальная доска. В апреле 1965 г. участок (2,5 акра), на котором находилась пирамида из камней 1859 г. и позднейшая стена, был подарен собственником земли Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, которая начала отговаривать туристов от посещения этого места. В сентябре 1990 г. и сентябре 1999 г. на Горных Лугах были открыты новые мемориалы в память о трагических событиях сентября 1857 г. в Южной Юте. Активную роль в возведении новых монументов сыграли мормонская церковь, потомки жертв резни, местные жители и власти штата Юта. Во время строительных работ были обнаружены многочисленные человеческие останки, которых захоронили возле новых памятников.

8 сентября 1857 г., во время данных кровавых событий, капитан федеральной армии Стюарт Ван Влит (1815-1901) был встречен Янгом. Он сообщил пророку о том, что от него требуется всего лишь обеспечить войска снабжением, но ни слова не сказал о предстоящей смене губернатора. Вернувшись в расположение федеральных войск, Влит сообщил командованию, что мормоны намерены сражаться, если понадобится, и эвакуироваться из своей столицы – г. Солт-Лейк-Сити, уничтожив все имущество. В то же время, стало ясно, что идти в долину Соленого озера через каньон было чревато большими потерями. Легион Наву уже начал диверсионную деятельность, осуществляя поджоги на пути движения правительственных войск, грабя караваны, осуществлявшие снабжение, угоняя скот, шедший для нужд армии. Столкновения не доходили дальше перестрелок, но без потерь с обеих сторон. Дэниел Уэллс приказал своим ополченцам мешать федеральным войскам любыми способами, но не вступать в бой первыми.

Легион Наву вступил в столкновения с войсками в конце сентября 1857 г., осуществляя поджоги травы и угоняя скот в районе так называемом Южного перевала на юго-западе Вайоминга. Мормоны сожгли форт Бриджер, чтобы он не попал в руки федералам [5, р. 141-149]. В этих столкновениях на стороне мормонов участвовала кавалерия под командованием мормонского пионера Лота Смита (1830–1892). В ходе перестрелок не было убитых и раненых, но идущие через перевал войска под командованием полковника Эдмунда Александера (1802–1888) устали от преследования мормонами. Полковник посадил около 100 солдат на армейских мулов для противостояния налетчикам. Мормоны открыли огонь по «кавалерии» Смита, но потерь снова удалось избежать. 16 октября 1857 г. в плен к федеральным войскам попали майор Легиона Наву Джозеф Тейлор и его адъютант Уильям Стоуэлл (1822-1901). Желая отвести федеральные войска от г. Солт-Лейк-Сити, они заявили, что каньон на пути федералов обороняют 25-30 тыс. ополченцев. Александер окончательно решил идти на Юту с севера, но ему помешала ненастная осенняя погода. После этого командование силами Александера взял на себя полковник Джонстон.

Войска Джонстона не стали атаковать Святых последних дней. Им предстояла тяжелая зимовка без достаточного количества припасов и скота. Подразделения, сопровождавшие нового губернатора, не смогли оказать авангарду помощи, так как тоже страдали от нехватки снабжения. Лейтенанту Джозефу Айвзу (1829-1868) было поручено разведать судоходность реки Колорадо для поиска альтернативного пути. Параллельно с ним разведку начал местный

предприниматель Джордж Алонзо Джонсон (1824-1903), желавший в своих интересах помочь федеральному правительству. Но мормоны мешали осуществлению приказа, убеждая местных индейцев из племени мохаве, что разведка нужна федералам только для захвата их земли. Зимой 1857/1858 гг. наступила пауза в действиях обеих сторон, что дало шанс на мирные переговоры. Мормонский миссионер Джейкоб Хэмблин (1819-1886), специализировавшийся на работе с индейцами, был отправлен для выяснения целей отряда Айвза, но потерпел неудачу. Действия мормонского разведчика были раскрыты военными. По некоторым данным в правительстве США в январе 1858 г. разрабатывался план наступления на Юту с целью «наказания» мормонов с запада, со стороны Тихоокеанского побережья. Данный план не был, однако, реализован на практике [2].

В начале 1858 г. мормоны для урегулирования конфликта обратились к американскому общественному деятелю полковнику Томасу Кейну (1822-1883), филантропу, адвокату и аболиционисту. Ранее он помогал мормонам переселиться на Запад, и теперь они снова просили его о помощи. Кейн согласился, и обратился к Бьюкенену. Опасаясь разгрома немногочисленной армии США в условиях пересеченной местности и диверсий бойцов Легиона Наву, Бьюкенен дал согласие на посредничество Кейна в переговорах. 10 марта 1858 г. Кейн прибыл в Юту. Янг согласился принять нового губернатора, но не дал ответа на вопрос о размещении войск. 12 апреля 1858 г. в Солт-Лейк-Сити Камминга встретили как нового губернатора. Однако после ввода в Юту весной 1858 г. еще одного федерального корпуса, насчитывавшего 3 тыс. солдат, многие мормоны, находясь в состоянии паники и испытывая недоверие к властям США, бежали на юг, покинув свои дома в долине Большого Соленого озера. Произошло это в течение марта – мая 1858 г., и было крайне негативно воспринято в Конгрессе США. Святые планировали в случае репрессий даже переселиться в Мексику. Янг заявил правительственным чиновникам, что люди вернутся в родные дома, когда будут выведены войска. Президент Бьюкенен назначил двух комиссаров по делам Юты: Лазаруса Пауэлла и Бена Маккаллоха, а также объявил амнистию мормонам. В начале июня 1858 г. правительственные комиссары провели переговоры с Янгом и другими руководителями Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. 26 июня 1858 г. армия Джонстона прошла через обезлюдевший Солт-Лейк-Сити, а затем начала строительство большого военного лагеря Кэмп-Флойд в 40 милях к юго-западу. Война в Юте закончилась [7].

Став губернатором, Камминг вскоре стал более популярен среди мормонов, чем среди солдат, которые оставались в Юте до начала Гражданской войны. Армейский лагерь Кэмп-Флойд, расположенный неподалеку от города Фэрфилд, представлял собой первое значительное немормонское поселение, в штате Юта, и это навсегда положило конец мечте мормонов о Сионе, географически отделенном от мира инаковерующих. Отношения между войсками и местными жителями остались сложными. Официально Юта находилась под оккупацией армии Союза в течение всей Гражданской войны (1861-1865 гг.). Правительство Союза не доверяло мормонам и опасалось поддержки с их стороны мятежных южных штатов, несмотря на то, что мормоны придерживались нейтралитета. В 1861 г. из Юты выделились самостоятельные территории Невада и Колорадо, населенные преимущественно немормонами. В начале 1861 г. федеральные силы в связи с конфликтом с Югом покинули территорию Юта, но она была вновь оккупирована в октябре 1862 г. Полк калифорнийских добровольцев, враждебный мормонам, разместился в 5 км. от г. Солт-Лейк-Сити. Добровольцы Союза исследовали регион и осуществляли операции против местных индейцев, периодически поднимавших восстания [1].

Войну в Юте осудили многие сенаторы и конгрессмены, считая ее позором для президента. Бьюкенена критиковали за то, что он не уведомил Янга о назначении нового губернатора, не обеспечил должным снабжением войска, не смог самостоятельно провести

переговоры. Исполнение принятого в США в 1862 г. закона о борьбе с двоеженством правительство Авраама Линкольна игнорировало в обмен на лояльность Янга в период Гражданской войны. Конфликт правительства США со Святыми последних дней по вопросу многоженства продолжался около 40 лет, вплоть до формальной отмены полигамии в мормонской церкви в 1890 г., и до провозглашения Юты штатом в 1896 г. Церковь Святых последних дней не смогла удержать исполнительную власть в Юте и контроль над окружными судами. В дальнейшем развитие железных дорог к 1869 г. ликвидировало удаленность Юты, ради которой мормоны туда и пришли, и привлекло в регион огромные массы уже немормонских поселенцев.

Усилия и расходы, связанные с военными действиями Легиона Наву и бегством на юг, истощили как материальные ресурсы, капитал, так и моральный дух мормонской общины. Война в Юте уничтожила мормонские аванпосты на территории современных штатов Калифорния, Невада, Вайоминг и Айдахо. Конфликт значительно ослабил и даже прервал миссионерскую деятельность Святых в Западной Европе. Ютская война рассеяла большую часть религиозного энтузиазма, которые ранее были порождены «мормонской реформацией» 1856 г. Благодаря жертвенному поведению, проявившемуся в перемещении мормонских пионеров на юг, Святые завоевали некоторую симпатию среди американской общественности. Но поведение мормонов в 1857-1858 гг. не способствовало в целом улучшению их имиджа в США, не повлияло на перспективы признания Юты отдельным штатом (это произошло только в 1896 г.) и не увеличило терпимость к мормонам со стороны основных американских государственных и общественных институтов. Трагические события войны в Юте нашли отражение в ряде произведений художественной литературы, а также в американо-канадском художественном фильме «Последний сентябрь» (2007 г.).

Библиографический список

1. Война за Юту [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/history/topics/utah-war?lang=rus>. – Date of access: 10.03.2024.
2. Кислова А.А. Мормоны на американском Западе (к истории массовых миграций 30–50-х годов XIX в.) // Американский ежегодник. 1984 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. - М.: Наука, 1984. С. 165-185.
3. Кислова А.А. Религия и церковь в общественно-политической жизни США первой половины XIX века. М., Наука. 1989. 238 с.
4. Римлянам 12:19
5. Furniss N.F. The Mormon conflict, 1850-1859. New Haven (Con.): Yale University Press, 1960. 311 p.
6. Poll R.D. The Mormon Question Enters National Politics, 1850-1856 // Utah Historical Quarterly. 1957. April. Vol. 25. № 2. P. 117–131.
7. The Utah War [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://historyto.utah.gov/utah-war/>. – Date of access: 12.03.2024.

Сведения об авторах:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: bgu.fiimo.kafedra29@yandex.ru

Кузенков Артемий Евгеньевич, студент Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: bgu.fiimo.kafedra29@yandex.ru

Иллюстрации к статье

Рис. 1. Армия Джонстона движется через равнины в снежный шторм. Изображение из американской прессы 1858 г. Источник: The Utah War [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://historytogo.utah.gov/utah-war/> (Дата обращения: 10.03.2024).

Рис. 2. Памятник жертвам Резни на Горных Лугах с видом на место трагических событий (1990 г.). Источник: [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Remembrances_of_the_Mountain_Meadows_Massacre#/media/File:1990_MMM_monument_-_22_July_2020.jpg (Дата обращения: 15.03.2024).

Рис. 3. Современный вид на место Резни в Маунтин-Мидоуз. Источник: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://historytogo.utah.gov/utah-war/https://en.wikipedia.org/wiki/Baker%E2%80%93Fancher_party#/media/File:Mmassacre_site.jpg (Дата обращения: 12.03.2024).

Рис. 4. Памятник жертвам Резни на Горных Лугах – восстановленная пирамида (1990 г.). Источник: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Remembrances_of_the_Mountain_Meadows_Massacre#/media/File:Mmm_1999_cairn.jpg (Дата обращения: 17.03.2024).

Ф.-Д. Тронше, Г.-Ж.-Б. Тарже и «ДЕЛО» ЛЮДОВИКА XVI

Аннотация: В статье речь идет об обстоятельствах, приведших Людовика XVI на скамью подсудимых: приверженность Его Величества идеям абсолютной монархии, нежелание мириться с ограничением властных полномочий в пользу национальных представителей, оторванность от реальности, стремление наряду с противившимися революционным преобразованиям эмигрантами, дворянством, неприсягнувшим духовенством восстановить былое величие. Народное недоверие к главе исполнительной власти, возраставшее по мере радикализации революции, привело к свержению монархии и установлению республики. Тиранин, самодержец и предатель интересов нации должен был предстать перед судом. Деятели «левого центра», выдающиеся юристы, блестящие ораторы Национальной Ассамблеи, соавторы Конституции 1791 г., Ф.-Д. Тронше и Г.-Ж.-Б. Тарже были приглашены королем в качестве адвокатов. Г.-Ж.-Б. Тарже отказался и от роли защитника, и от либеральной конституции, и от главы исполнительной власти, заявив, что он - приверженец республиканской формы правления. Ф.-Д. Тронше, напротив, оставался верным принципам конституционной монархии и согласился представлять интересы венценосца в суде, наряду с Мальзербом и де Сезом. Королевские адвокаты отстаивали принцип неприкосновенности личности монарха, как гарант свободы и поддержания порядка в стране. Однако в глазах республиканцев, санкюотов и активистов секций Луи Капет, олицетворявший пороки и злоупотребления Старого порядка, противоречил гражданскому обществу новой Франции. Руководствуясь волей нации, Конвент принял решение уничтожить символ монархии в лице короля.

Ключевые слова: «левый центр», король, конституционная монархия, Национальный Конвент, республика.

V. Salimon. F.-D. Tronchet, G.-J.-B. Target and the "Case" of Louis XVI

Abstract: The article deals with the circumstances that brought Louis XVI to the dock: His Majesty's commitment to the ideas of absolute monarchy, unwillingness to accept the limitation of powers in favor of national representatives, isolation from reality, desire together with emigrants who resisted revolutionary changes, nobility and the unsworn clergy to restore their former greatness. Popular distrust of the head of the executive branch, which grew as the revolution became radicalized, led to the overthrow of the monarchy and the establishment of a republic. The tyrant, autocrat and traitor to the interests of the nation had to stand trial. The leaders of the "centre-left", outstanding lawyers, brilliant speakers of the National Assembly, co-authors of the Constitution of 1791, F.-D. Tronchet and G.-J.-B. Target were invited by the king as lawyers. G.-J.-B. Target refused the role of defender, the liberal constitution, and the head of the executive branch, declaring that he was an adherent of the republican form of government. F.-D. Tronchet, on the contrary, remained faithful to the principles of the constitutional monarchy and agreed to represent the interests of the crown bearer in court, along with Malesherbes and Desez. The royal lawyers defended the principle of the inviolability of the personality of the monarch, as a guarantor of freedom and the maintenance of order in the country. However, in the eyes of republicans, sans-culottes and section activists, Louis Capet, who personified the vices and abuses of the Old Regime, contradicted the civil society of the New France. Guided by the will of the nation, the National Convention decided to destroy the symbol of the monarchy in the person of the king.

Keywords: the "centre-left", king, constitutional monarchy, National Convention, republic.

Знаменитые адвокаты парижского парламента эпохи Старого Порядка, выдающиеся ораторы Учредительного собрания, деятели «левого центра», члены Конституционного комитета, «главные редакторы» [13, р. 281] основного закона государства, судьи департамента Сены периода Законодательного собрания, Франсуа-Дени Тронше и Ги-Жан-Батист Тарже в декабре 1792 г. получили предложение Людовика XVI стать его адвокатами.

Играя значимую роль в разработке и отстаивании принципов цензовой либеральной монархической конституции, Ф.-Д. Тронше и Г.-Ж.-Б. Тарже считали короля, главу исполнительной власти, - наследственным представителем нации, а парламентариев - конституционными представителями. Деятели 1789 г. единодушно поддерживали низложение самодержавия, однако разошлись во мнении относительно роли и месте экс-самодержца в новом правовом государстве. Умеренные депутаты - Мирабо, Лафайет, Ле Шапелье - выступали за сильную королевскую власть. «Левые» - Барнав, Дюпор и братья Ламеты - считали Его Величество

лишь номинальным главой, полностью зависимым от волеизъявления властных законодателей. «Левый центр» отстаивал баланс и соотношение ветвей власти, оставляя за венценосцем значимую роль, но вторую [1, с. 121]. У сына дофина Людовика Фердинанда имелись свои мысли на это счет.

Выпестованный абсолютной монархией Старого Порядка и преисполненный идеями самодержавия Людовик XVI не желал ни с кем делить власть, намереваясь, как дед, единолично править страной. Призрачные иллюзии о результативной помощи эмигрантов, родственников, европейских монархов, а также давление со стороны супруги побудили слабохарактерного Луи совершить необдуманный поступок - бежать в Варенн летом 1791 г. Предав и Революцию, и Конституцию, король лишился народного доверия. Активизировались клубы, братские общества, радикальная пресса. Всё отчетливее звучали призывы к республике. Конституционалисты не теряли надежды популяризовать непопулярного монарха. «Но этот несчастный принц был робким, застенчивым, нерешительным, даже диким, нелюдимым» [11, р. 27-28], - вспоминал граф Сэн-При. Ф.-Д. Тронше, Г.-Ж.-Б. Тарже и либеральные политики восстанавливали репутацию Его Величества, спасая конституционную монархию и ее институты, сдерживали порывы к анархии, стремясь не допустить падение революции в экстремальную фазу. Последняя пугала не только здравомыслящих депутатов Ассамблеи, но и соседей Франции.

Позабыв о еще недавних противоречиях, 27 августа 1791 г. австрийский император Леопольд II и прусский король Фридрих Вильгельм в замке Пильниц подписали декларацию о военной помощи Людовику XVI, призывая остальных монархов последовать их примеру. 7 февраля 1792 г. Австрия и Пруссия заключили военный союз против Франции, чему несказанно обрадовался двор. Вместо того чтобы консолидироваться со своим народом, политически близорукий и упрямый Луи начал неуклюже вставлять палки в колеса маховика законодательной машины. Он отправил в отставку министров-жирондистов, отказался ратифицировать постановление Собрания о выдворении из страны замеченных во враждебной деятельности, провоцировавших клерикальную контрреволюцию неприсягнувших священников, которые своим влиянием и авторитетом будоражили умы верующих. Внутренний раздор был неприемлем во время внешней опасности, так как он значительно облегчал интервентам вторжение в страну и захват власти. Венценосец, используя свое законное право вето, противодействовал сосредоточению под Парижем вооруженных добровольцев из разных департаментов - федератов, собиравшихся защищать конституционную монархию, включая короля и его семью, от посягательства со стороны иностранных держав. Не оценила широкий жест нации и Мария-Антуанетта, ловко переправлявшая австрийцам военные планы французов.

11 июля 1792 г. Законодательное собрание декретировало: «Отечество в опасности!». Патриотический подъем охватил страну. Народ отнесся к королевскому вето с негодованием, недоумением, презрением и даже с озлоблением. Мнение монарха было проигнорировано, формирование отрядов волонтеров шло полным ходом. Прусская армия приблизилась к границе Франции. Ее командующий герцог Брауншвейгский в манифесте предельно ясно изложил цель визита - восстановление королевской власти и беспощадная расправа над мятежниками. Таким образом, очередная активизация контрреволюционных сил - на этот раз в лице интервентов - вновь дала повод вспомнить Людовика XVI недобрым словом. Некогда абсолютный властитель, олицетворявший пороки и злоупотребления Старого порядка, упраздненные Национальной Ассамблеей, для определенного круга лиц продолжал оставаться символом роскоши, богатства, власти. К нему устремились, во имя его действовали - строили козни, плели интриги, устраивали заговоры - не смирившиеся с революционными преобразованиями эмигранты, неприсягнувшее духовенство и иностранные интервенты.

Набиравшее обороты демократическое движение стало требовать низложение короля и аболицию конституционной монархии. Приверженцем последней продолжал оставаться Тронше, в то время как Тарже в небольшой публикации, написанной в годы якобинской диктатуры, уверял, что он - убежденный республиканец - давно проникся ненавистью «к Капетам, Лафайету и всей адской клике Двора» [43, р. 2] и выступал за «единство и независимость Республики» [43, р. 7]. Любовью к идеям равенства и братства он воспылал, очевидно, находясь под впечатлением кровавого террора, когда многие его коллеги по Конституанте были отправлены на эшафот. Однако Ш. Лакретель заметил, что еще в 1790 г. в разработанном Тарже плане того или иного конституционного законопроекта можно было проследить «республиканский (sic!) след, и, казалось, (Тарже - В. С.) задействовал королевскую власть только для того, чтобы выполнить формальности...» [22, р. 304].

10 августа 1792 г. в Париже произошло народное восстание. Тарже вспоминал, что в тот день вел себя «как разъяренный санкюлот против деспотизма» [43, р. 3]. Толпа захватила Тюильри. «Это было задумано только для того, чтобы привести его (монарха - В.С.) к гибели» [16, р. 4], - полагал Ф.-Д. Тронше. Обезумевший плебс жестоко расправился с людьми, находившимися на тот момент во дворце. «Рыцари кинжала» [43, р. 3], - с восхищением отмечал Тарже. По мнению Тронше, кровавое нападение было спланировано и руководилось деятелями, пополнившими позднее ряды Конвента: «Они хвастались этим и возвеличивали» [16, р. 4]. Юрист, очевидно, имел в виду монтаньяров, выдвинутых в законодательный орган под влиянием вышеназванных событий. «Горькие воспоминания», [16, р. 4] - вздыхал Франсуа-Дени. «Победа людей равенства» [43, р. 4], - писал «патриот и якобинец» [43, р. 2] Тарже.

На наш взгляд, Ги-Жан-Батист мог проникнуться в какой-то момент республиканскими идеями, но он не был «крайним», радикалом. Опытный юрист и дальновидный политик справедливо опасался за свою жизнь и прекрасно осознавал происходящее. Как позднее скажет современник событий Дюкрэй: «Революционное движение, нараставшее изо дня в день, не могло простить четыре статуса: богатых, дворян, духовных лиц и конституционалистов» [26, р. 307].

Собрание отстранило Людовика XVI от власти. Король был арестован. 21 сентября 1792 г. Конвент заявил об упразднении монархии, создании Республики и новой Конституции. «Голова короля была на кону» [28, р. 264], - пишет Ж. Лефевр. «Помазанника Божьего» ожидала печальная участь. Монтаньяры требовали казнить его без суда и следствия. Для них смерть царственной особы - «необходимое преступление, без которого республике не быть» [16, р. 5], - сокрушался Тронше. Значительная часть жирондистов и «равнины» предлагали ограничиться низложением монарха. Как справедливо заметил А. З. Манфред, личность Людовика XVI мало интересовала национальных представителей, «то был спор о судьбе революции: идти ли ей вперед или остановиться» [2, р. 326]. Активное вмешательство Парижской Коммуны в дела Конвента ускорило решение вопроса о суде над королем. Этот организационный центр столичных «низов» представил законодателям «неопровержимые улики» связи гражданина Луи Капета с эмигрантами и врагами Революции. «Если правосудие над ним свершится, он - покойник» [41, р. 282], - предрекал Дантон.

13 ноября 1792 г. Сен-Жюст, противопоставив суверенитет нации и короля, законность с узурпацией, заявил о недействительности договора 1791 г. Отрицая существование правовых, юридических взаимоотношений между монархом и народом, «апостол террора» отверг любую возможность судебного разбирательства: Людовик - преступник только потому, что был королем, поэтому его следует убить, а не судить [18, р. 119]. «Все короли - бунтовщики и узурпаторы» [41, р. 282], - заключил будущий автор Вантозских декретов. А. Событь точно

подметил, что для Сен-Жюста Людовик - не обычный гражданин, а «враг и посторонний» [41, р. 283], которому чужды интересы нации.

3 декабря 1792 г. Робеспьер поддержал соратника: «Людовик совершил преступление против человечества» [20, р. 1442]. Он «лишился престола за свои проступки. Французский народ объявил его мятежником. Его нельзя судить, он уже осужден» [20, р. 1441]. Член Генерального совета Коммуны ставил депутатов, как ему казалось, перед очевидным выбором - или король виновен, или республике не быть. Проведение судебного процесса над Людовиком XVI - «движение в обратном направлении - к деспотизму конституционной монархии - это контрреволюционная идея: Революция повергнется в распри» [20, р. 1441]. Таким образом, глашатай Горы противопоставлял манерную, воспитанную, просвещенную либеральную элиту конституционалистов - приверженцев ограниченной законами монархии малограмотному, напористому, жесткому плебсу и Коммуне - яростных, фанатичных защитников Республики, отдавая предпочтение последним. Новый виток Революции, когда «низы» приобрели влияние на государственные дела, зачастую, радикально действуя, радовал Робеспьера и пугал Ф.-Д. Тронше. Если импульсивный Максимилиан одобрял «все смелые проявления революционной инициативы масс» [2, с. 321], то сдержанный Франсуа-Дени был против того, чтобы «проливалась кровь французов» [16, р. 2]. «Тронше не был ни республиканцем, ни придворным. Он предпочитал монархию» [7, р. 322], - пишет А. Олар.

Депутат из Арраса полагал, что суду следует предать супругу Луи Капета. Монарх, став объектом тяжбы, может быть обвинен, а может оказаться невиновным. «Если король не виновен, то все защитники свободы станут клеветниками, мятежники - друзьями истины... федераты, народ Парижа, патриоты всей французской империи будут виновными, и великий процесс... между преступлением и добродетелью, свободой и тиранией решится в пользу преступления и тирании» [20, р. 1441], - говорил Робеспьер. К дофину Неподкупный был «благодарно» расположен: юношу надлежит держать в Тампле под охраной до тех пор, «пока не утвердятся мир и общественная свобода» [20, р. 1442].

Декретировали предложение Петиона: «Людовика XVI будет судить Национальный Конвент» [20, р. 1444]. «Еще недавно короли судили Нации. Настал день, когда Нации осудят королей» [19, р. 1338], - сказал Робер Ленде, ставший автором обвинительного акта. Луи Капету инкриминировали предательство нации, заговор против свободного народа, покушение на безопасность государства. Основанием для выдвижения обвинения послужили документы, найденные при обыске в бюро гражданского листа 1 октября 1792 г. и секретные бумаги, обнаруженные в «Железном шкафу» 20 ноября 1792 г. Короля «изобличили» в интригах, подкупах, поддержании доверительных отношений с депутатами Конституанты, Законодательного собрания, главами иностранных держав и эмигрантами.

Депутат от «крайне правой» Учредительного собрания Казалес написал председателю Конвента: «Я буду умолять Его Величество выбрать меня в качестве своего защитника. Пожалуйста, попросите Национальный Конвент позволить мне выполнить этот последний долг перед моей родиной и моим королем» [29, р. 5]. Людовик XVI решил, что его интересы будут представлять Г.-Ж.-Б. Тарже и Ф.-Д. Тронше. Первый ответил отказом, второй дал согласие.

Ги-Жан-Батист сослался на плохое самочувствие. В письме от 12 декабря 1792 г. он отметил: «Страшно усталый, утомленный от расшатанных нервов, от ревматических, невралгических болей, которые меня заставили покинуть судебные прения в 1785 году, я с трудом сохранил силы для выполнения мирных функций судьи и с нетерпением ждал новых выборов, чтобы сложить с себя полномочия. Я не могу позволить себе такой нагрузки, как защита Людовика. Своей беспомощностью я не оправдаю ни народного доверия, ни доверия обвиняемого» [38, р. 368]. Историк и публицист А. Неттемент уверял, что в декабре 1792 г. организм

Тарже действительно был ослаблен вследствие продолжительной болезни [37, р. 90-91]. «Но что такое здоровье по сравнению с жизнью, когда речь идет о подобного рода миссии?» [21, р. 12] - спрашивал Ш. Лакретель. «Я ему говорил, - писал Барер, - что стоило согласиться, так как это - первая обязанность адвоката» [32, р. 70]. Марат тоже прокомментировал поступок юриста: «...малодушный Тарже, который трусливо оставил своего хозяина (короля - В. С.), после того как долго ползал у него в ногах» [3, с. 388]. «Трус, подлец Тарже» [33, р. 313], - не сдерживал эмоций Лафайет. Автор анонимно опубликованного «Письма республиканцу Тарже» упрекал адвоката в трусости и презренном эгоизме [30, р. 1] и недоумевал, как можно быть в стороне, зная, что Законодательное собрание с первых дней объявило войну королю и конституции [30, р. 7]. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, как раз и пугало Тарже. Его друг Ш. Лакретель писал, что парижскому юристу часто припоминали, что он являлся «главным (sic!) автором» [23, р. 181] Конституции 1791 г., да и Конвент его рассматривал не иначе, как преданного своему сюзеру «раболепного монархиста» [23, р. 182], поэтому отрывок из его письма: «Свободный человек и республиканец не должен обременять себя функциями, которые он не способен выполнить» [23, р. 182], - наделал много шума в Законодательном собрании. «Конвент выслушал это оправдание с неодобрением» [40, р. 161], - писал историк, адвокат В. Скотт, также обративший внимание на эту цитату. Он отметил, что неосторожная фраза «возмущенного, негодующего юрисконсульта» [40, р. 161], казалось, провозглашала виновность Луи. Вывод был очевиден: «Короля не может защищать друг нынешней (политической - В. С.) системы» [40, р. 161], коим считал себя правовед, подписавший свое послание Конвенту: «республиканец Тарже». В отличие от «выходки» Ги-Жан-Батиста, мужественный поступок Тронше, напротив, восхитил шотландского прозаика. По его мнению, адвокат был «слишком чувствительным к чести своей профессии, чтобы колебаться хоть на мгновение и согласился на это опасное задание» [40, р. 161].

Людовик XVI видел Франсуа-Дени на заседаниях Национальной Ассамблеи [34, р. 429]. «Слабый голос, бесцветные речи. Но когда этот старик (Тронше - 1726 года рождения - В. С.) поднимался на трибуну, все молодые люди тридцати лет почтено (sic!) слушали его» [8, р. 403], - пишет А. Олар. «Не практик, не «механик» своей профессии, как говорил Бёрк, но хороший, ясный ум... уже привык к великим делам и способен руководить толпой...» [25, р. 20], - так характеризовал будущего редактора Гражданского кодекса кардинал де Буажелен, наряду с Туре, Шапелье, Эммери, Камюсом. Ф. Тессье полагает, что наш герой воплощал идеал адвоката - честный, уравновешенный, беспристрастный [44, р. 11]. Мария-Антуанетта знала адрес загородного дома юриста. Франсуа-Дени вспоминал: «Я не ожидал, что однажды придут меня искать в глуши деревни, чтобы привлечь к участию в защите обвиняемого короля» [31, р. 62].

13 декабря 1792 г. в Конвенте заслушали письмо гражданина Тронше министру юстиции: «Если бы я посоветовался с общественным мнением, то ответил бы отказом... (Человеческая - В. С.) натура мне говорит, что это (король - В. С.) - человек» [31, р. 62]. Итак, если для секций, народных обществ и ряда законодателей, включая Сен-Жюста и Робеспьера, Людовик XVI - преступник, «чужак», чья сущность несовместима с Республикой, то знаменитый парижский адвокат видел в нем, прежде всего, личность, субъект правоотношений, чью вину еще надо доказать. «Каждый человек должен защищать своего ближнего, когда меч правосудия висит над его головой. Поэтому я покидаю сельскую местность, чтобы немедленно отправиться в Париж» [31, р. 62], - заявлял экс-депутат Конституанты. Тронше проявлял гуманизм в отношении обвиняемого, он ему сострадал. Сопереживать и уж тем более смело заявлять о своем сочувствии монарху рискнули немногие. Франсуа-Дени остался верен своей профессии, взявшись за это «опасное, рискованное, гибельное дело» [40, р. 161]. Совесть, мораль,

принципы не позволили юристу остаться в стороне. Ему не нужны награды и материальные блага: «Я обещаю себе, каким бы ни было решение суда, не принимать никаких знаков признания ни от кого на земле» [31, р. 62-63].

«Парижская Хроника» «заметила и оценила» высказывания Тронше, добавив: «В великих принципах нравственности исчезает всякое злое действие... Свобода будет по-настоящему установлена лишь тогда, когда она будет царствовать за счет справедливости» [10, р. 1397].

14 декабря 1792 г. известный правовед встретился с гражданином Луи Капетом и провел с ним беседу. В тот же день короля посетил бывший правительственный агент при министерстве Тюрго Кретъен Гийом де Ламуаньон де Мальзерб, добровольно вызвавшийся представлять интересы Его Величества. Так как утомительные выступления в суде могли изнурить почтенных защитников, они попросили Конвент назначить им в помощники молодого, энергичного, блестящего адвоката из Бордо Раймонда де Сеза [39, р. 262; 45 р. 183]. Автор «Мемуаров о Людовике XVI» вспоминал, что выполнять свои должностные обязанности юрисконсульт начал «строго, сурово», но вскоре смягчился: «Тронше, по характеру сдержанный, был тронут откровенностью и невиновностью своего клиента» [35, р. 404-405]. Будущий председатель Совета старейшин восхищался «присутствием духа и искренностью» монарха, работавшего с правоведами изо дня в день, разбирая бумаги, анализируя документы, излагая свои возможности, опровергая жалобы [34, р. 430]. Наследственный представитель нации, в свою очередь, был впечатлен усердием адвокатов, высоко оценивая их прилежный труд. В частной беседе с Мальзербом он как-то с горечью заметил: «Де Сез и Тронше отдают мне свое время, работу и, может быть, свою жизнь» [9, р. 77]. Однажды заговорили о развитии революции. Тронше недоумевал: «Кто бы мог подумать, что она зайдет так далеко?» [34, р. 430] «Кое-кто...», - ответил Луи.

Линия защиты выстраивалась двенадцать дней и двенадцать ночей [45, р. 183]. Людовик и Кретъен занимались фактическими доводами. Тронше готовил юридические аргументы. Редакцию судебной речи доверили де Сезу [24, р. 34]. Как только он ее закончил, прочитал венценосцу и коллегам. «Мы с Тронше были тронуты до слез, - пишет Мальзерб. - Я не слышал ничего более пафосного, чем его разглагольствования. Король сказал, что их надо убрать» [35, р. 405].

Конвент услышал защитительную речь 26 декабря 1792 г. Выступавший по поручению товарищей Раймонд де Сез сначала изложил принципы, касавшиеся неприкосновенности личности обвиняемого, провозглашенные Конституцией, затем приступил к разбору фактов, содержащихся в обвинительном акте.

Адвокат справедливо отметил, что нации суверенны и вольны сами выбирать любую форму правления. Это неотъемлемое право «прописано в нашем конституционном акте, и не стоит забывать, что Франция обязана включением столь важного постулата в число своих основных законов благодаря усилиям одного из защитников Людовика, члена Национальной Ассамблеи» [15, р. 6]. Таким образом, депутатам напомнили о значимом вкладе Тронше в революционные преобразования. Согласно Конституции, проработанной Франсуа-Дени и его коллегами, особа короля неприкосновенна и священна, но могла лишиться власти и трона в ряде случаев, предусмотренных статьями 5, 6, 7: не принесение присяги, отречение от неё, руководство и направление армии против нации, отъезд за пределы государства и отрицательный ответ на предложение законодателей вернуться. Но самая важная статья, по мнению защиты, была 8: «После отречения от престола, добровольного или установленного законом, король переходит в разряд граждан, наравне с ними подлежит обвинению и суду за свои действия, совершенные после отречения» [15, р. 10-11]. Следовательно, на предшествовавшие «злодеяния» Божьего помазанника Фемида закрывала глаза, предполагалось лишь отречение от

трона. «Людовик... обвиняется от имени нации во многих преступлениях. Если они не предусмотрены конституционным актом, то вы не можете судить его за них» [15, р. 12], - справедливо заметил де Сез, обращаясь к депутатам, - «за все эти преступления закон объявляет лишь отказ от королевской власти» [15, р. 13]. Итак, положение о смертной казни монарха не содержалось ни в Конституции 1791 г., ни в своде законов Конвента.

«Если вы лишаете Людовика королевской неприкосновенности, то, по меньшей мере, обязаны предоставить ему права гражданина» [15, р. 18], - подчеркнул де Сез и добавил, что если национальные представители желают судить короля как гражданина, то должны выполнить все формальности, «неотъемлемыми правами, на которые обладает каждый гражданин» [15, р. 18]. Адвокат из Бордо имел в виду: разделение властей, «без которого невозможны ни Конституция, ни свобода», присяжные заседатели, право кассации, пропорция голосов, «мудро установленная законом для отмены или смягчения приговора», тайное голосование [15, р. 18-19]. Как видим, линия защиты настаивала на соблюдении незыблемых принципов правового государства - неприкосновенности личности, презумпции невиновности, всевластия закона, равенства граждан перед законом, гласности расследования и судебного разбирательства, а также разделении ветвей власти. Эти максимы деятель «левого центра» Тронше обосновывал с трибуны Учредительного собрания, нередко осаживая депутатов Конституанты: «Какое отношение законодательный корпус имеет к наказанию, деликту, приостановке политических прав?» [5, р. 354] «У законодательного корпуса имеется лишь законодательная власть. Он не может узурпировать функции, ей не принадлежащие» [6, р. 130]. Придерживавшийся принципа разделения властей Франсуа-Дени с трудом мирился с тем, что вместо судей - профессионалов своего дела, специально обученных юристов - участь представителя великой династии французских монархов решали далекие в основной своей массе от уголовного и гражданского права депутаты Конвента. Заявление одного из них - Сен-Жюста - не осталось без внимания адвокатов. «Говорят, что королевская власть есть преступление, так как она является узурпацией. Преступление здесь было бы со стороны нации, которая сказала: я тебе предлагаю королевскую власть, а сама подумала: я тебя накажу за то, что ты ее принял» [15, р. 16], - заявил де Сез.

Нация упразднила статус, полномочия и привилегии венценосца. Она имела на это право. Но в её ли власти вершить судьбу Людовика? Последний, по мнению адвокатов, мог возразить: «Вы хотите меня наказать! Вы уничтожили Конституцию, лишив меня её плодов... и так как не находите наказание, правомерно применимое ко мне, то хотите ввести новое... вы желаете создать специальный закон для меня одного!» [15, р. 13-14]

К сожалению, перед защитниками Луи Капета были «не судьи, а люди, уже вынесшие обвиняемому смертный приговор» [14, р. 107], - подметил Феликс Чацки. Напрасно Раймонд цитировал Конвенту Ж.-Ж. Руссо: «Там, где я не вижу закона, которому надлежит следовать, судьи, который должен принять решение, я не могу обратиться к общей воле» [15, р. 16], то есть к всевластному закону, господствовавшему над каждым, ведь, как говорил Тронше Учредительному собранию 22 сентября 1789 г.: «Закон - это общая воля» [4, р. 100]. Как видим, неотъемлемое право каждого гражданина - быть судимым только на основании закона и не подлежать никакому произвольному суду - не работало в отношении гражданина Луи Капета.

Значительная часть жирондистов и «равнины» не хотела кровавой расправы над королем, отчаянно сопротивляясь дальнейшей эскалации революции. Монтаньяры, поддерживаемые Парижской коммуной и активистами секций, напротив, были готовы принять решение не в пользу царственной особы. Пытаясь спасти Людовика, затянуть судебный процесс, жирондисты обратились к Конвенту с требованием проведения народного референдума. Ланжюине справедливо заметил, что депутаты не могут быть одновременно обвинителями, судьями и

присяжными. 28 декабря 1792 г. пламенной речью против апелляции к народу разразился Робеспьер. Публикация его выступления произвела широкий общественный резонанс. В парламент приходили петиции со всей страны, включая департаменты, в которых жирондисты имели большое влияние и авторитет. Народ требовал головы Людовика. 30 декабря 1792 г. к законодателям заявила депутация от 18 столичных секций. Среди активистов были вдовы и дети граждан, павших 10 августа 1792 г., а также раненые, калеки, получившие увечья в тот день. Удручающее зрелище произвело неизгладимое впечатление на национальных представителей. Однако активность сочувствующих Божьему помазаннику резко поубавилась лишь после того, как монтаньяр Гаспарен рассказал Конвенту о письме Верньо, Гюаде и Жансонне, из которого было очевидно, что незадолго до падения монархии эти выдающиеся законодатели вели переговоры с королем о возвращении отправленных им в отставку министров жирондистов. Разоблаченная «сделка» с опальным венценосцем во имя удержания власти сделала политических оппонентов фракции Робеспьера и Сен-Жюста более сговорчивыми.

15 января 1793 г. Восстановитель французской свободы был признан виновным. 16 января 1793 г. состоялось поименное голосование о мере наказания. 387 депутатов выступили за смертную казнь, причем, 26 парламентариев - жирондистов - потребовали отсрочки ее выполнения, таким образом, 361 национальный представитель был категоричен в своем решении отправить монарха на эшафот. 334 законодателя высказались за оковы, тюремное заключение, работы на галерах. Людовика XVI ожидало «адское детище» господина Гильотэна.

Тронше, Мальзерб и де Сез были потрясены. Взыгравшие адвокаты высказались против вынесения приговора простым большинством голосов и потребовали обращения к народу. Напрасно Тронше взывал к гуманности и любви Конвента, сильно возражая против формы судебного постановления, имевшего расхождение с уголовным кодексом: ни один обвиняемый не мог быть осужден иначе, как большинством в две трети голосов [27, р. 240]. «Это условие необходимо только для приговора присяжных (вопрос о виновности - В. С.), но для применения меры наказания судьями - достаточно абсолютного большинства» [45, р. 188], - парировал Мерлен из Дуэ, с которым Франсуа-Дени полемизировал в Феодальном комитете Учредительного собрания. Тронше справедливо считал, что Луи Капет, как и любой гражданин, имел право на апелляцию. Но ему отказали.

Тарже разделял взгляды коллеги. Напоминая о неприкосновенности личности монарха, в «Наблюдениях по судебному делу над Людовиком XVI» он писал, что «по меньшей мере, (можно говорить - В.С) об амнистии гражданина» [36, р. 27]. Юрист также был против смертей казни венценосца: «Если вы больше не хотите короля, - обращался он к нации, - стоит ли его наказывать подобным образом? Никакой разумный закон не предусматривает высшей меры за возможные преступления» [36, р. 27].

«По законам Конвента даже отцеубийство можно осудить только двумя третьими голосов суда» [12, р. 145], - сочувствовал виконт Феликс де Конни. Как верно подметил де Сез, Луи - единственный француз, у которого не было ни гражданских прав, ни королевских привилегий [15, р. 19]. Он «ассоциировался со Старым Порядком» [18, р. 118], - пишет Ф. Фюре. Однако Робеспьер уверял, что «Конвент приговорил Людовика к смерти не из чувства мести, а только из убеждения, что эта суровая мера необходима для сохранения свободы» [31, р. 142]. Ничего личного. Лишь торжество демократической республики.

Король был невозмутим. Он поблагодарил Мальзерб, Тронше и де Сеза за проявленную заботу, заявив, что не виновен в инкриминируемых ему преступлениях и готов предстать перед Богом [12, р. 463]. 21 января 1793 г. монарх был гильотинирован. «Низы» с размахом отмечали - «оргиями, бурным пиршеством, кутежом - захват обломков трона» [16, р. 5], - возмущался Тронше. Переживая смерть царственной особы, он, как и многие просвещенные умы,

опасался эмоционально-чувственных проявлений народных масс - безудержный гнев или бурная радость, как правило, ничего хорошего не сулили простым обывателям. Последние по-разному оценивали роль Франсуа-Дени в судебном процессе. По мнению анонимного автора, Тронше плохо делал свою работу: отказывался от предлагаемых предписаний, инструкций, не принимал в расчет мнения, послания, документы, людей. «Гражданин Тронше должен был требовать, вызывать к свидетелям, спать по три - четыре часа в сутки» [42, р. 2]. «Людовику ничего не оставалось, кроме как закрыть глаза, опустить голову, потому что среди защитников обнаружился враг» [42, р. 2]. Другой современник, напротив, считал, что парижский правовед прекрасно справлялся с возложенными на него обязанностями [17, р. 95]. «Но что он мог сделать, если люди решили пролить кровь праведника» [12, р. 145], - сокрушался виконт Феликс де Конни. Мария-Антуанетта пережила супруга ненадолго. Ее казнили в октябре 1793 г.

Кровавый террор обошел парижских адвокатов, чего нельзя сказать о Мальзерб, разделившего участь своего «клиента».

При Наполеоне судьи Кассационного суда Ф.-Д. Тронше и Г.-Ж.-Б. Тарже редактировали своды законов, регулировавших общественные отношения согласно с социально-политическими изменениями, закрепленными революцией, - Франсуа-Дени занимался Гражданским кодексом, а Ги-Жан-Батист - Уголовным кодексом. Оба юриста были членами Почетного Легиона.

Подведем итоги. Динамично развивавшиеся события каждого нового витка Революции - от абсолютизма до конституционной монархии и её упразднения в августе 1792 г. - не пошатнули устойчивые убеждения Ф.-Д. Тронше относительно значимой роли королевской власти в правовом государстве. В то время как Г.-Ж.-Б. Тарже открестился от ограниченной монархической формы правления, законодательную базу которой он вдохновенно разрабатывал и отстаивал, наряду с Франсуа-Дени, как в лоне Конституционного комитета, так и с трибуны Национальной Ассамблеи, и поспешил заявить о своей верности Республике, Ф.-Д. Тронше не побоялся примерить на себя роль защитника гражданина Луи Капета. Следуя букве закона, руководствуясь гуманистическими идеями, юрист безуспешно пытался доказать Конвенту, что король - личность, обладавшая не только обязанностями, но и правами. К сожалению, приговор Людовику XVI был вынесен еще до судебного процесса.

Библиографический список

1. Блуменау С. Ф., Салимон В. Ю. Политические группировки Учредительного собрания революционной Франции (1789 - 1791). «Левый центр». Брянск: Из-во БГУ, 2016. 300 с.
2. Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М.: Мысль, 1979. 440 с.
3. Марат Ж.П. Избранные произведения. Т. III. М.: АН СССР, 1956. 425 с.
4. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. IX. P.: P. Dupont, 1877. 796 p.
5. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. XXIX. P.: P. Dupont, 1888. 795 p.
6. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. XXX. P.: P. Dupont, 1888. 782 p.
7. Aulard F.-A. L'établissement du Consulat à vie // La Révolution Française. Revue d'histoire moderne et contemporaine. T. XXVIII. P.: La société de l'histoire de la Révolution, 1895. P. 315 - 339.
8. Aulard F.-A. Les orateurs de l'Assemblée Constituante. P.: Hauchette et Cie, 1882. 569 p.
9. Choix d'anecdotes, anciennes et modernes, ou recueil choisi de traits historiques, Et particulièrement de tout ce qui se relative à mort de Louis XVI et de sa famille, à leur détention au Temple, et aux mortifications qu'ils y ont éprouvées, Ouvrage enrichi de Traits singulier, de Faits remarquables et d'Anecdotes très-curieuses, et non encore publiées, sur la révolution française. T. I. P.: Poncelin, 1804. 264 p.
10. Chronique de Paris. Samedi 15 Décembre 1792, l'an Ier de la République. № 356.

11. Comte de Saint-Priest. Mémoires La Révolution et L'Emigration. P.: Nouvelle collection historique Calmann-Lévy Editeur, 1929. 237 p.
12. Conny F. Histoire de la Révolution de France, par M. le vicomte Félix de Conny. T. IV. P.: Bureau Central d'Imprimerie et de Librairie, 1836. 471 p.
13. Czacki F. Études historiques sur la Révolution Française de 1789 par un étranger [Felix Czacki]. T. II. P.: Librairie de Firmin Didot Frères, Fils et Cie, 1857. 628 p.
14. Czacki F. Études historiques sur la Révolution Française de 1789 par un étranger [Felix Czacki]. T. III. P.: Librairie de Firmin Didot Frères, Fils et Cie, 1857. 505 p.
15. Défense de Louis XVI, par MM. Malesherbes, Tronchet, et Desèze; prononcée à la barre de la Convention par M. Desèze. [s.n.], 1792. 58 p.
16. Dialogue entre Chénier et Tronchet, députés. [s.n.], 1798. 19 p.
17. Fantin-Desodoards A. Histoire philosophique de la revolution de France depuis la première Assemblée des Notables jusqu'à la paix de Presbourg. T. IV. P.: L. Collin, 1807. 442 p.
18. Furet F. The French Revolution 1770 - 1814. Oxford: Blackwell, 1996. 320 p.
19. Gazette Nationale ou le Moniteur Universel, 15 Novembre 1792. Séance du mardi 13 Novembre 1792.
20. Gazette Nationale ou le Moniteur Universel, 5 Décembre 1792. Séance du lundi 3 Décembre 1792.
21. Lacretelle Ch. Dis années d'épreuves pendant la Révolution. P.: Chez A. Allouard, libraire, 1842. 402 p.
22. Lacretelle Ch. Histoire de l'Assemblée Constituante. T. I. P.: Treuttel et Würtz, Libraires, 1821. 480 p.
23. Lacretelle Ch. Histoire de la Convention Nationale. T. I. P.: Treuttel et Würtz, Libraires, 1824. 526 p.
24. Lamartine A. Histoire des Girondins. T. V. P.: Furne et Cie - W. Coquebert, Éditeurs. 1847. 435 p.
25. Lavaquery E. Le Cardinal de Boisgelin 1732-1804. T. II. P.: Plon-Nourit, 1921. 411 p.
26. Lebègue E. La vie et l'œuvre d'un constituant Thouret, 1746 - 1794. P.: Félix Alcan, 1910. 320 p.
27. Lecomte P. C. Mémorial, ou Journal Historique, impartial et anecdotique de la Révolution Française. T. I. P.: Duponcet, 1801. 390 p.
28. Lefebvre G. The French Revolution. From its origins to 1793. London: Routledge, 2001. 379 p.
29. Lettres de M. Cazalès au roi, au Président de la Convention Nationale, à M. Péthoin, et suivies d'un Lettre de M. Budaut, sur le Procès de Louis XVI. P.: Chez les Marchands de Nouveautés, 1792. 8 p.
30. Lettre au républicain Target. [s.n.], 1792. 7 p.
31. Louis XVI à son auguste et respectable frère Louis XVIII. P.: L. Saint-Michel, 1814. 184 p.
32. Mémoires de B. Barère, membre de la Constituante, de la Convention, du comité de salut public, et de la chambre des représentants. T. II. P.: Jules Labitte, 1842. 436 p.
33. Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette. T. IV. P.: H. Fournier Aîné, Éditeur, 1838. 455 p.
34. Mémoires inédits de l'abbé Morellet, de l'Académie Française, sur la dix-huitième siècle et sur la Révolution. T. II. P.: Lavocat, 1822. 516 p.
35. Moleville B. Histoire de la Révolution de France, pendant les dernières années du règne de Louis XVI. T. X. P.: Chez Giguet et C., Imprimeurs-Libraires, 1802. 540 p.
36. Murair M. Eloge de G.J.B. Target, Ancien Avocat au Parlement de Paris, Magistrat en la Cour de Cassation, Membre de la Légion d'Honneur, et de la Classe de la Langue et de la Literature française de l'Institut imperial. P.: Xhrouet, 1807. 34 p.
37. Nettement A. Les historiens de la Révolution Française M. de Lamartine. Études critiques sur les Girondins. P.: De Signy et Dubey, Éditeurs, 1848. 618 p.
38. Robert A. Dictionnaire des parlementaires français. T.III. P.: Bourloton, 1891. 647 p.
39. Sauclières R. Histoire de la Révolution Française. P.: Allouard et Kaepelin, 1849. 444 p.
40. Scott W. Vie de Napoleon Buonaparte, Empereur des Français. P.: Treuttel et Würtz, 1827. 455 p.
41. Soboul A. The French Revolution 1789 - 1799: from the storming of the Bastille to Napoleon. N.-Y.: Vintage books, 1973. 638 p.
42. Sur Louis XVI et sur Tronchet. [s. n.], 1793. 5 p.
43. Target G.-J.-B. Unité, égalité, liberté. Target à ses concitoyens. - Lille: l'Imprim. de C.-L. Boubers [s. d.]. 48 p.

44. Tessier Ph. Tronchet et la réorganisation constituante des institution judiciaires // Annales historiques de la Révolution française. № 350. 2007. P. 9 - 26.
45. Villiaumé N. Histoire de la Révolution Française. P.: Marescq et Cie, Libraires, 1851. 424 p.

Сведения об авторе:

Салимон Виктория Юрьевна - кандидат исторических наук, Политехнический колледж Брянского государственного технического университета (Россия), E-mail: NickyHit@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(574.17)“1941/1942”

В.С. Ешпанов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕТСКИХ ДОМОВ НА ТЕРРИТОРИИ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1942 ГГ.)

Аннотация: Настоящее исследование анализирует процесс организации и функционирования государственных учреждений в военное время. Рассмотрен комплекс мероприятий и проблем, связанных с эвакуацией детских домов. Отмечена их взаимосвязь с местными органами власти, населением, трудовыми коллективами, колхозами. Затрагиваются вопросы проживания и быта, продовольственного обеспечения и образования детей в условиях военного времени. Особое внимание уделяется процессу воспитания и обучения. Осмысление локальной истории детских домов значительно дополняет историю повседневности тылового населения области. Уроки жизни, наглядным примером показывают нам историю прошлого. Основное внимание уделено региональному аспекту, ставшему составной частью общей истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, детские дома, дети, военное детство.

V. S. Yeshpanov. Activities of Children's Homes on the territory of Aktobe Region in the years the Great Patriotic War (1941-1942)

Abstract: This study analyzes the process of organization and functioning of government institutions in wartime. A set of measures and problems related to the evacuation of orphanages is considered. Their relationship with local authorities, the population, labor collectives, and collective farms is noted. Issues of living and living, food supply and education of children in wartime conditions are touched upon. Particular attention is paid to the process of education and training. Understanding the local history of orphanages significantly complements the history of everyday life of the rear population of the region. Life lessons show us the history of the past with clear examples. The main attention is paid to the regional aspect, which became an integral part of the general history of the Great Patriotic War.

Keywords: The Great Patriotic War, evacuation, orphanages, children, wartime childhood.

Тема деятельности детских домов в годы Великой Отечественной войны до сих пор остаётся малоизученной. История детских домов Актыбинской области в 1941-1945 года, ранее была мало исследована. Исследования представлены трудами современных казахстанских ученых, исследуется представителями зачастую других наук. Так как, их всех объединяет междисциплинарный характер. Исследователи историки военного периода за основу изучения берут специфику детства отдельно взятых регионов республики. Анализ местной историографии показывает частично освещенную исследовательскую работу. Представленный труд отражает только временные рамками Великой Отечественной войны 1941-1942 годов. Данная тематика еще не получила должного освещения в научной литературе. Но остается место для дальнейшего обобщения в данном направлении.

В СССР особое внимание было уделено детской заботе, моральному и материальному благополучию своих граждан. Еще в довоенное время существовала достаточно разветвленная сеть детских учреждений. В тяжелых условиях войны была разработана и осуществлена специальная правительственная программа спасения детей, и прежде всего воспитанников детских домов. 15 августа 1941 года СНК КазССР и ЦК КП(б) Казахстана приняли постановление «Об устройстве детей, эвакуированных из прифронтовой полосы».

С началом введения боевых действий, враг захватил большую часть территории СССР, что привело к срочной эвакуации 129 детских домов и 15 московских школьных интернатов с

контингентом 17400 детей в Казахстан[1]. В нашем крае нашли приют дети, которые временно или навсегда лишились родителей. В области детей ждали. Актюбинский горисполком и райисполком на своих заседаниях решали вопросы приема и устройства эвакуированных. Актюбинская область была глубоким тылом СССР в годы войны.

Город Актюбинск, являясь крупнейшей железнодорожной магистралью, представлял собой важный перевалочный пункт. На долю Актюбинской области выпало много тяжелых испытаний. Холодным октябрьским днём 1941 года на железнодорожную станцию Актюбинск прибыл первый поток эвакуированных детей. Почти два месяца добирались дети в грузовых вагонах до пункта назначения. Довоенные детские дома области, несмотря на ухудшение общего материального положения, продолжали работать в прежнем режиме.

Первый год войны стал во всех отношениях тяжелым. Приёмом и размещением эвакуированных детей, помимо руководства области, занимались органы областного образования, областного здравоохранения и НКВД. Руководство страной требовало постоянные отчеты о прибытии детей по утвержденному графику эвакуации. На начальном этапе войны в Актюбинской области довольно остро стоял вопрос обеспечения эвакуированных детских учреждений помещениями. Все детские дома были готовы к приезду детей. Во всех домах, был проведен текущий ремонт, отремонтированы и обиты двери, вставлены и обмазаны оконные вторые рамы. В первую неделю октября 1941 года, в город Актюбинск прибыл из Харькова костнотуберкулезный детский санаторий. Наибольшей заботы требовали к себе дети, эвакуировавшиеся без родителей в составе детских учреждений.

В 1940 году в СССР насчитывалось 1 347 детских домов, с контингентом в 155 751 воспитанников. С начала военных действий 1941 года по январь 1942 года в глубокий тыл СССР, было эвакуировано 976 детских домов, в которых проживало 167 223 воспитанника. В связи с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 23 января 1942 года, «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Решением руководства Актюбинской области было принято: о контроле и постановке на учет данную категорию лиц с 25 января 1942 года.

Таблица-1. Количество беспризорных детей в СССР в первые годы ВОВ [2]

Год	1941	1942
Беспризорные дети	93737	124494

В данной таблице представлены сведения об изъятии с улиц беспризорных и безнадзорных детей на территории СССР.

Таблица-2. Количество беспризорных детей в Каз ССР – Актюбинская область (1942 год) [3]

Область Каз ССР	1-квар- тал (дети -%)	2-квар- тал (дети -%)	3-квар- тал (дети - %)	4-квар- тал (дети - %)
Актюбин- ская	7,8	8,6	6,2	5,3

По состоянию на 01.01.1941 года в Актюбинской области функционировало 13 детских домов из них: 1 для глухонемых, 1 с особым режимом и 2 общего типа. В них находилось 1416 детей, из них: в детском доме глухонемых – 70, в детдоме с особым режимом – 29 детей.

Осенью 1941 года на территорию Казахской ССР было эвакуировано 36 детских домов и интернатов. В основном воспитанники находились в детских домах до 14 лет, за исключением тех, кто учился на «отлично». Выпускающихся с детских домов воспитанников трудоустраивали на промышленные предприятия, фабрики и заводы республики.

Контингент детдомов на 01.07.1941 года составлял 1273 человек, в том числе в детском доме глухонемых – 23 человека. По плану в течение 1941 года намечено вывести из детдомов переростков в количестве – 384 человек. На 1 июня 1941 года выведено на производство и учебу – 145 человек или 37,8%. Только в первый год войны в Казахстан было эвакуировано 72 детских дома с количеством 10835 человек. Необходимо отметить, что расширение сети детских домов было характерным для большинства тыловых областей СССР.

19 апреля 1941 года в своем докладе прокурор СССР В.М. Бочков отметил факты неудовлетворительного состояния детских домов. Детские дома в СССР предвоенного периода, были подразделены на два вида. В годы Великой Отечественной войны появляется третий вид «смешанный». Положение в детских домах было достаточно сложным, особенно в начале войны. Первая зима была настоящим испытанием для детей, особенно страдали от недоедания. Трудности, пришедшие с войной, закалили коллективы детских домов. Главной бедой, на которую жаловались повсеместно, была плохая гигиена. В 1942 году распоряжением наркома здравоохранения СССР Третьяковым А.Ф., обязали все эвакуированные детские учреждения ввести в штат медицинского работника. Не менее важной проблемой была работа педагогов в детских домах. Директора, учителя и воспитатели детских домов профессионально и духовно были разные люди [4, с.212]. Катастрофически не хватало воспитателей, в детдомах часто работали случайные люди. В работе воспитателей и учителей отмечаются и положительные, и отрицательные стороны. В условиях военного времени области, как никогда, требовались кадры. Делалось все необходимое, чтобы улучшить материально-бытовое положение детских домов. Заботились о досуге, режиме дня, дисциплине. Режим дня в детских домах организовывался исходя из возраста детей. Повседневная жизнь воспитанников регламентировалась распорядком дня от подъема до отбоя по сигналу дежурного горниста [5, с.181]. В воспитательной работе детских домов большое место занимало внеклассное чтение. Воспитанники участвовали в самообслуживании: помогали готовить пищу, убирать помещение и двор, заниматься мелким ремонтом. Ребята детских домов области активно привлекались к обслуживанию раненых в госпиталях. Большую помощь детским домам оказывали комсомольцы области. В конце сентября 1941 года, среди воспитанников детских домов Актюбинской области прошли соревнования по футболу. Кроме этого, был проведен массовый кросс, который предусматривал военно-физическую подготовку населения. В зимний период 1941-1942 годов, в области началось формирование лыжных команд, куда были включены несколько юношей с детских домов.

Таблица-3. Открытие детских оздоровительных площадок в Каз ССР – Актюбинская область в 1942 году [6]

Область в Каз ССР	План открытия площадок	Выполнено (площадок)
Актюбинская	750	900

Летом в период каникул появлялась возможность посещать летние пионерские лагеря. В этот сезон для детей детдомов были организованы лагеря на территории Актюбинской области. Оздоровление детей в период каникул практиковалось и в послевоенное время. График пионерских лагерей осуществлялся только в летний сезон.

Таблица-4. Количество детей, находящихся в детских лагерях в 1942 году [7]

Районы Актюбинской области	Количество детей
Челкарский	118
Актюбинский № 2	82
Кунжарский	132
Тамдинский	144
Темирский	176
Хобдинский	117
Уилский	160
Актюбинский (глухонемых)	23

В остальных домах введен лагерный режим без выезда в поле.

С начала учебного 1941-1942 года было введено изучение основ сельского хозяйства. Обучение сельскохозяйственным работам в школах Актюбинской области началось в декабре 1941 года. Теоретическая и практическая подготовка учащихся, дала возможность работать на сельскохозяйственной технике, во время подготовительной и уборочной кампаний. Все детские дома имели подсобные хозяйства. В некоторых из них имелась в наличии собственная техника, такая как трактор, тракторный плуг, культиватор, зерновая сеялка, сенокосилка, конные грабли [8, с.173].

Таблица-5. Количество подсобных хозяйств в Каз ССР – Актюбинская область на 31.12.1942 года [9]

Область в Каз ССР	Всего детских домов	Всего подсобных хозяйств
Актюбинская	10	8

Труд стал неотъемлемой частью детской жизни в детских домах. На своих полях подсобного хозяйства воспитанники сажали овощи (картофель, помидоры, капусту, морковь, свёклу), все то, что им требовалось в ежедневном рационе питания [10, с.15]. В 1941 году посевные площади составляли: огородно-бахчевые культуры – 102,7 га, зерновые – 223, 5 га. поголовье скота в подсобных хозяйствах детских домов равно 1287 голов [11].

Существенным подспорьем для детских учреждений являлась помощь шефов. Однако не все руководители районов помогали работе детских домов. К таким можно отнести руководителей Уилского, Иргизского районов, лучше Ключевой, Джурунский районы. 16 июня 1942 года, в Темирский район Актюбинской области прибыло 110 эвакуированных детей из Сталинграда, которые являлись представителями Франковского и Кольбского детских домов.

Таблица-6. Количество детских домов в Каз ССР – Актюбинская область в 1941-1942 годах [12]

Область в Каз ССР	Количество детских домов на 01.03.1941	Количество детских домов на 31.12.1942
Актюбинская	13	10

В канун уходящего 1941 года, в СССР были открыты за счет государства интернаты с соответствующими условиями проживания и обучения на родном языке, для эвакуированных в тыл детей.

Советское правительство в январе 1942 года, издает постановление об устройстве на воспитание в семьи трудящихся и о безотказном приеме в детские дома всех детей-сирот. Война, бесспорно, оказала влияние на многие стороны жизни, в том числе на воспитание и образование подрастающего поколения. В детдомах помещались дети, потерявшие своих родителей, особенно во время войны на фронте. Казалось бы, этого достаточно для того, чтобы оказать им всемерную помощь со стороны районных организаций. В некоторых случаях пытались выйти из положения за счет детдомов. Например, очень часто мобилизовали рабочий скот или работников детдомов на выполнение сельскохозяйственных работ в колхозах, забывая, что каждый детдом имеет свое подсобное хозяйство, начальникам необходимо выполнять весь комплекс сельскохозяйственных работ. При детских домах области создавались слесарные, столярные, обувные, швейные, трикотажные мастерские, в большинстве своем призвании это были учебно-производственные мастерские.

В детских домах в этот период острой проблемой была организация питания воспитанников. Городскому торговому отделу города Актюбинск было дано задание решением Исполнительного комитета областного совета, обеспечить детдома продуктами питания, не допуская снижения калорийности. Плохо обстояло дело со снабжением хлеба и продтоварами детдомов. Наряды на продукты отпускались с большим опозданием. Из-за плохого питания увеличилось число беглецов из детских домов. Несмотря на ряд принятых решений Исполкома облсовета, все детские дома не дополучали свои фонды. Воспитанники Иргзиского, Уилского детдомов по несколько дней подряд сидели без хлеба. В целом в СССР, норма содержания одного воспитанника детского дома была следующей: общего типа составляла 2 905 рублей, особого типа – 3 799 рублей, в дошкольного детдома 2 905 рублей [13].

Главная трудность, с которой столкнулись детские дома области, недостаток одежды, обуви, постельного белья. Приходилось изыскивать одежду, обувь, белье. Из-за отсутствия теплых вещей дети в холодную погоду ходили в легких вещах. Очень часто из-за нехватки обуви в школу ходили по очереди. Нарушения санитарных норм и большая скученность детей, вызывали вспышки инфекционных заболеваний. Особые трудности возникали в связи с отсутствием мыла и керосина. С отсутствием нормального отопления, образовывалась сырость в помещениях детских домов, а в зимний период перебои с поставками дров и вовсе ставили жизнь детей под угрозу. Детские дома нерегулярно снабжались топливом из-за отсутствия транспорта. В 1942 году, дети питались в основном за счёт подсобного хозяйства и помощи колхозов. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 24 марта 1942 года, «О мероприятиях по улучшению работы эвакуированных детских учреждений» [14, с. 223].

Таким образом, суровый период военных лет, стал испытанием для детей, оказавшихся очень далеко от дома без своих родителей. Конечно, детские дома не могли заменить детям семью, но позволяли спасти их жизни. Можно подчеркнуть, что забота об эвакуированных подростках стала всенародным делом и общей задачей. Для всех прибывших детей, Казахстан стал вторым домом, некоторых из них приютили казахстанские семьи, приняв как родных. Несмотря на всевозможные трудности, местные власти оперативно справились с задачами, возложенными на них государством. Актюбинская область перенесла все тяготы военных лет, а детские дома сыграли важную роль в спасении детских жизней в годы войны.

Библиографический список

1. Государственный Архив Российской Федерации. Ф. А-259. Оп. 2. Д. 780. Л. 6.
2. Государственный Архив Актыбинской Области. Ф. 17. Оп. 9. Д. 38. Л. 75.
3. ГААО. Ф. 17. Оп. 12. Д. 7. Л. 11.
4. Токарев А.В. Педагогика в годы Великой Отечественной войны //Молодежь. Образование.Наука. – 2017.- т., №1-1. С.211-214.
5. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. – М.,- 2015.-488 с.
6. ГААО. Ф. 19. Оп. 3. Д.54. Л. 9.
7. ГААО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 18. Л. 47.
8. Стажирский П.И. Взрослое детство.- М., 1991.- 254 с.
9. ГААО. Ф. 17. Оп. 10. Д. 5. Л. 12.
10. Зарипов Р.Р. Воспоминания детей военного времени как исторический источник//Гуманитарные науки: научный интернет-журнал. 2015.-№5.- С.11-19.
11. ГААО. Ф. 281. Оп.1. Д. 29. Л. 55.
12. ГААО. Ф. 17. Оп. 10. Д. 7. Л. 29.
13. ГААО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 332. Л. 7.
14. Зинич М.С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. – М-СПб, 2019.- 349 с.

Сведения об авторе:

Ешпанов Владимир Сарсембаевич – доктор исторических наук, профессор, Казахский университет технологии и бизнеса г. Астана, WS-282@mail.ru

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ

УДК 93/94

А.А. Рытиков

«ПОПЕЧЕНИЕ О РАНЕНЫХ И БОЛЬНЫХ ВОИНАХ». Из истории Брянского Местного комитета Российского общества Красного Креста

Аннотация: В статье рассматривается история и деятельность Брянского местного комитета Российского общества Красного Креста, действовавшего с 1875 по 1917 гг. Приводится подробная историография исследуемого вопроса, показывающая актуальность работы. На основе документов, хранящихся в Государственном архиве Брянской области, подробно описываются направления работы комитета, его роль в процессе лечения и содержания раненых и больных воинов как в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг., так и в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Красный Крест, Брянский местный комитет РОКК, попечение о раненых и больных воинах

A.A. Rytkov. «Caring for wounded and sick soldiers». From the history of the Bryansk Local Committee of the Russian Red Cross Society

Abstract: The article examines the history and activities of the Bryansk local committee of the Russian Red Cross Society, which operated from 1875 to 1917. A detailed historiography of the issue under study is provided, showing the relevance of the work. Based on documents stored in the State Archive of the Bryansk Region, the directions of the committee's work, its role in the process of treatment and treatment and maintenance of wounded and sick soldiers both during the Russian-Turkish War of 1877-1878 and during the First World War are described in detail.

Keywords: Red Cross, Bryansk Local Committee of the RRCS, care for wounded and sick soldiers

С момента открытия Америки в 1492 г. она стала объектом борьбы между европейскими державами за ресурсы и территории. Постепенно в Америке возникли Новая Голландия, Новая Франция, Новая Испания. Первые попытки взаимодействия англичан с племенами ирокезов можно отнести ко времени правления королевы Елизаветы. В течении XVII – XVIII вв. на территории Северной Америки возникло 13 английских колоний. [9] Английская колонизация носила массовый характер в связи с обезземеливанием крестьян на фоне огораживания общинных земель, которая приняла в Англии огромные масштабы. Во Франции же крестьяне в рамках феодальных отношений были прикреплены к земле и переселялись неохотно. В большей части французских колоний были основаны фактории. Французские купцы за бесценок скупали у индейцев меха, и заинтересованные в выгодной торговле с ними, не вытесняли индейцев с насиженных мест. Поэтому более массовые потоки переселенцев из Англии довольно легко овладели немногочисленными французскими, испанскими и голландскими населенными пунктами в Северной Америке.

Коренные жители Америки отнеслись к приходу колонистов неоднозначно. Отдельные племена достаточно дружелюбно встретили англичан. Однако давление и попытка поставить местное население в зависимость вызывала открытые конфликты. Свою лепту внесла и внутренняя конфронтация и разрозненность племен Северной Америки.

Появление Общества Красного креста неразрывно связано с Австро-итало-французской войной 1859 года. Однако в России прообраз красно-крестного движения возник еще в 1854 году, когда по инициативе Н.И. Пирогова была основана Крестовоздвиженская община сестёр

милосердия, считающаяся первым в мире женским медицинским формированием по оказанию помощи раненым во время войны [5, С.33].

В мае 1867 года император Александр II утвердил устав «Российского общества попечения о раненых и больных воинах», в основе которого лежали аналогичные европейские программы и проекты, что говорит о существовавшей преемственности и связи западной организации и Российского общества.

Россия стала одной из первых стран мира, где было организовано Общество Красного Креста (позднее переименованное в «Российское общество Красного Креста» (РОКК)). Под этим названием оно просуществовало вплоть до прихода советской власти. Декретом Совнаркома от 4 (17) янв. 1918 г. Главное управление Красного Креста было упразднено и вместо него был учреждён Комитет по реорганизации Общества, имущество и капиталы учреждений Красного Креста были переданы в государственную собственность.

В конце XIX – начале XX вв. Российское общество Красного Креста представляло собой одно из самых мощных учреждений страны не только по своему общественному влиянию, так как в нём были широко представлены члены императорской фамилии, но и, в равной степени, по своим финансовым средствам. Наиболее интенсивной деятельность Общества была в период вооружённых конфликтов, в которых принимала участие Российская империя: Русско-турецкая война 1877-1878 гг., русско-японская война 1904-1905 гг., Первая мировая война 1914-1918 гг.

Наивысшей точкой развития и деятельности Российского общества Красного Креста является начало XX в. В данный исторический период Общество имело чётко структурированную систему управления, в которую включались общины и комитеты РОКК, развитую финансовую и кадровую составляющие. Российское общество Красного Креста возглавляло Главное Управление (Главное управление РОКК), в губерниях работу обществ организовывали Местные Управления РОКК, низовыми организациями были местные комитеты РОКК.

Согласно уставу 1889 года РОКК ставило перед собой следующие задачи: «содействовать во время войны военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами и доставлять им, по мере средств своих, как врачебное, так и всякого рода вспомоществование» [7, С.3]. В мирное время общество:

а) принимало деятельные меры к возможно широкому обеспечению своих потребностей для военного времени;

б) оказывало помощь увечным воинским чинам

в) помогало пострадавшим от общественных бедствий.

Доходы Общества Красного Креста складывались из членских взносов, единовременных пожертвований деньгами и вещами. Управления и комитеты Красного Креста могли иметь свой капитал, проценты от которого шли в их доход.

РОКК содержало ряд учреждений медицинского и попечительского характера – амбулатории, аптеки, госпитали, общественные столовые, ночлежные дома, приюты. Организацией этих учреждений занимались как Главное управление, так и местные управления, и местные комитеты.

В российской историографии имеется ряд монографических работ, посвященных деятельности РОКК в Орловской губернии. Так, например, в монографии С.В. Букаловой «Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 гг.)» исследуется деятельность Орловской общины сестер милосердия, работа госпиталей в Орловской губернии в период Первой мировой войны, освещается повседневная жизнь раненых воинов, [2]. В работе Л.Н. Сеницыной «Общественное призрение в Брянском

уезде Орловской губернии в 1861 – 1914 гг.» интерпретируется специфика местного общественного призрения, а также роль в нем благотворительности [11]. В монографии Н.Л. Кочегаровой «Благотворители и благотворительные общества на территории Брянского края (XVIII – начало XX века)» обобщены архивные и литературные материалы по вопросам благотворительности в Брянской области в указанный период [9]. Определенный вклад в изучение деятельности регионального комитета РОКК внесла Е.С. Турлакова. Ряд её статей дает возможность проследить становление деятельности Брянского Местного комитета Красного Креста, его работу по эвакуации и лечению раненых и больных воинов в годы Первой мировой войны, о вкладе Дамских комитетов в помощь госпиталям для раненных и больных солдат [1,12,13].

Тем не менее, необходимо отметить, что до воссоздания полной картины деятельности региональных комитетов РОКК и оценки их вклада в оказании помощи населению как в мирное время, так и в периоды военных конфликтов еще далеко, в том числе это относится к работе Брянского местного комитета.

Объектом исследования данной научной работы является Российское Общество Красного Креста.

Предметом исследования – Брянский местный комитет РОКК.

Цель исследования – интерпретировать деятельность Российского общества Красного Креста в Брянском уезде в конце XIX – начале XX вв.

Исходя из поставленной цели, были выделены следующие задачи исследования:

- 1) Изучить литературу по теме, определить круг источников.
- 2) Рассмотреть наиболее важные аспекты деятельности Брянского местного комитета РОКК.
- 3) Определить вклад и значение Брянского местного комитета Красного Креста в процесс помощи раненым и больным воинам.

Брянский Местный комитет «Общества попечения о раненых и больных воинах» был создан 3 (16) сентября 1875 года; в 1879 г. был переименован в Брянский Местный комитет Российского Общества Красного Креста. Общим уполномоченным Брянского местного комитета являлся полковник В.Н. Старов.

Первым вкладом Брянского комитета в дело милосердия было участие в русско-турецкой войне 1877 – 1879 гг. Согласно документам, которые отложились в Государственном архиве Брянской области, комитетом был организован сбор средств и вещей, в Брянске было сформировано несколько небольших госпиталей. Сведения о первых лазаретах «Общества попечения о раненых и больных воинах» в г. Брянске и уезде помогают восстановить картину формирования лечебных учреждений в городе и близлежащих населённых пунктах, дают представление о количестве больных. Так, например, известно, что на 15 июля 1877 года в госпиталях Брянского Местного комитета содержалось 24 больных, 50 кроватей оставалось свободными [3, Л.11].

В связи с продолжающейся русско-турецкой войной количество раненых и больных, находящихся в Брянских лазаретах, постоянно увеличивалось. Так, 14 сентября 1877 года в Брянск из Харькова прибыло 112 раненых из Кишинёва [3, Л.73,75]. Все они были распределены в лазареты Петропавловского монастыря, при Рельсопрокатном и Лесопильном заводах, в лечебницу Сергиевско-Радицкого завода генерала С.И. Мальцова [3, Л.82, 85, 99].

Заболевания, с которыми поступали больные были разнообразны. Так, например, согласно Десятидневному донесению лазаретов Мальцова, среди больных были распространены цинга, простудные заболевания сочленений (суставов), костей и мышц, лёгочная чахотка,

огнестрельные раны и ушибы, перемежные*лихорадки, прочие затяжные заболевания [3, Л.34,35].

Для содержания госпиталей и в принципе существования местного комитета по заводам и иным предприятиям рассылались подписные листы, по которым в комитет жертвовались деньги. Однако были ситуации, когда заводы эти деньги не выделяли ввиду того, что рабочие уже были обременены разного рода пожертвованиями, как это было, например, в апреле 1908 г. на Брянском рельсопрокатном железоплавильном и механическом заводе [4, Л.2].

Ситуация в корне изменилась с началом Первой мировой войны. В 1914 – 1918 гг. Российское общество Красного Креста стало одной из крупнейших организаций, оказывавших помощь раненым солдатам и офицерам на театре военных действий и в тылу.

Начиная с 1914 г., на Брянск легла значительная нагрузка по приёму и размещению раненых, так как к этому времени город уже являлся довольно крупным железнодорожным узлом, способным оперативно принимать военно-санитарные поезда. Поэтому Брянск был включён в Московский эвакуационный округ как один из тыловых эвакуационных пунктов [15, С.142]. Уполномоченным Красного Креста на Брянском эвакуационном пункте был назначен Вячеслав Вячеславович Тенишев, уездный предводитель дворянства Брянска. Принять это звание В.В. Тенишева в своём письме просил Александр Дмитриевич Самарин – московский губернский предводитель дворянства. В своём письме Самарин не только обращался с просьбой к Тенишеву принять звание, но и подробно объяснял обязанности, которые ему придётся выполнять. Функционал уполномоченного на тот момент не был определен никакими инструкциями, тем не менее Самарин указывал в письме, что «им приходится объединять работу всех правительственных и общественных организаций, действующих под флагом Красного Креста, <...>, стремиться к обеспечению пункта и всего района его действий достаточным количеством лечебных мест и коек, к упорядочению перевозки раненых с пункта в госпитали и т.д.» [7, Л.2-2, об]. То есть, фактически, Тенишев должен был организовать большую часть работы по перевозке и медицинскому содержанию раненых в Брянске.

В силу своего нахождения Брянский Красный Крест играл значительную роль в транспортировке, лечении и уходе за ранеными и больными воинами в течение всей войны. Огромный поток подобных солдат, проходивший через Брянский уезд, привёл к необходимости массового открытия лечебных учреждений. К октябрю 1914 г. Брянским Комитетом Земского Союза было оборудовано и открыто «двенадцать лазаретов на 1662 койки, из коих один лазарет в Брянске на 140 коек для инфекционных больных воинов», а также в Севске и в уездах – четыре лазарета на 156 коек, из них 20 коек для патронажных больных и в Трубчевске – один лазарет на 40 коек. К началу 1915 г. число лазаретов выросло до 21 [5, Л.118-118, об].

Красным Крестом велись санитарные бюллетени по движению раненных и больных воинов, куда входили данные и по Брянскому уезду. В подобных бюллетенях указывалось название госпиталей, кому они принадлежали, сколько человек прибыло, находится на лечении, выписалось.

Финансирование лазаретов шло из разных источников. Так, часть лазаретов содержалась за счет Всероссийского Земского Союза или же местных уездных земств (Брянского, Севского, Трубчевского). Часть лечебных учреждений финансировалась заводами, при которых эти лазареты открывались – Радицкий вагоностроительный завод в п. Радица, или же местными жителями того или населенного пункта, в котором функционировал лазарет – с. Бытошь,

* Перемежная лихорадка – устар. т.е. перемежающаяся (интермиттирующая) лихорадка с суточными колебаниями максимальной и минимальной температуры.

пос. Людинка [5, Л.122-123]. Помимо этого, средства поступали и через пожертвования граждан и организаций.

В финансовом отчёте Брянского Местного комитета Красного Креста за 1915 г. подробно описаны поступления и траты Красного Креста. Так, известно, что за «1915 год было собрано пожертвования на сумму 16772 руб., на счету Красного Креста к началу 1916 года осталось – 10553 руб.» [13, С.93]. В обязанность местного комитета Красного Креста входило и оказание материальной помощи семьям воинов, ушедших на войну.

Значительную роль в организации помощи раненым и больным играли и брянские меценаты и благотворители. Так, В.В. Тенишев устроил небольшой лазарет в своем имении. На 1 декабря 1914 г. в этом лазарете было свободно 18 коек, а с начала войны поступило 10 человек [6, Л.19]. Также В.В. Тенишев вместе с Брянским земством организовал шесть лазаретов в Брянске на 800 мест и при Брянском заводе на 600 мест [9, С.64]. Посильный вклад вносили и другие известные брянцы – В.П. Фогль (направляла средства на содержание и оборудование коек), З.Ф. Могилевцева (возглавляла местный Дамский кружок при комитете Красного Креста, на средства которого было устроено два лазарета) и т.д. [8, С.72].

Подводя итог, можно сказать, что на протяжении всего описываемого периода существования Брянский Местный комитет Красного Креста вел активную деятельность, при этом сталкиваясь с целым рядом разносторонних проблем, с которыми он успешно, или менее успешно справлялся. Но так или иначе, в Брянске открывались и функционировали лазареты, велась подготовка медицинского персонала – сестер милосердия, собирались пожертвования на нужды Красного Креста и т.д., что само по себе является огромным плюсом работы Местного комитета. А приведенные в работе факты могут свидетельствовать о том, что Брянский Местный комитет РОКК играл не последнюю роль в организации лечения и содержания раненых и больных воинов как в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг., так и в годы Первой мировой войны.

Библиографический список:

1. Алферова И.В., Турлакова Е.С. Организация приема раненых и больных в годы Первой мировой войны во внутренних районах Российской империи (на примере уездов Орловской губернии) // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Брянск, 2016. Т.1.
2. Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 гг.). Орел, 2005.
3. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф.52. Оп. 1. Д.3.
4. ГАБО. Ф.52. Оп.1. Д.41.
5. ГАБО. Ф.52. Оп.1. Д.45.
6. ГАБО. Ф.52. Оп.1. Д.45 (т-1).
7. ГАБО. Ф.52. Оп.1. Д.49.
8. Горбачев О.В., Колосов Ю.Б., Крашенинников В.В. История Брянского Края XX век. Клинцы, 2003.
9. Кочегарова Н.Л. Благотворители и Благотворительные общества на территории Брянского края (VIII – начало XX века). Брянск, 2013.
10. Рытиков А.А., Марковский Н.А. Сестринские общины в Первую мировую войну в воспоминаниях сестёр милосердия // История. Общество. Политика. 2022 г. № 2.
11. Синицына Л.Н. Общественное призрение в Брянском уезде Орловской губернии в 1861 – 1914 гг. М., 2004.

12. Турлакова Е.С. Брянский Дамский кружок в годы Первой мировой войны: благотворительная деятельность // История. Общество. Политика. 2017. №1.
13. Турлакова Е.С. Организация лазаретов и деятельность сестёр милосердия при Брянском комитете Красного Креста в годы Первой мировой войны // Духовно-нравственное и патриотическое воспитание детей и молодёжи в современных условиях. Брянск, 2017.
14. Устав Российского общества Красного Креста, состоящего под высочайшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы. Ставрополь, 1893 г.
15. Чеплянская Е.А. Организация медико-санитарной службы в годы Первой мировой войны в западных уездах Орловской губернии: обзор документов Государственного архива Брянской области // История и архивы. 2020. № 4.

Сведения об авторе:

Рытиков Антон Алексеевич, студент V курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: rytikov.anton01@yandex.ru

УДК 908

Н.Ю. Щевелев

СОЖЖЕНИЕ БРЯНСКА 1582 ГОДА, КАК ВОПРОС ИСТОРИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос достоверности такого события, как сожжение Брянска в 1582 году, после заключения Ям-Запольского мирного договора с Польшей. При неимении большого количества информационных ресурсов также ставится вопрос об освещении данного события не только в научных кругах, но и в широких, поднимая данную тему на такой науке, как историческое краеведение.

Ключевые слова: Брянск, Ям-Запольский мир, историческое краеведение, Щербатов, Дмитриев, русско-польские отношения.

N.Y. Shevelev. The Burning of Bryansk in 1582 as a Question of Historical Accuracy in the Literature

Abstract: The article examines the question of the reliability of such an event as the burning of Bryansk in 1582, after the conclusion of the Yamal-Zapolsky peace Treaty with Poland. In the absence of a large number of information resources, the question of covering this event is also raised not only in scientific circles, but also in general, raising this topic in such a science as historical local lore.

Keywords: Bryansk, Yamal-Zapolsky world, historical local lore, Shcherbatov, Dmitriev, Russian-Polish relations.

События Ливонской войны (1558-1582 гг) широко освещены в различных источниках и по-разному оцениваются историками. Военные действия, длившиеся 25 лет, отразилась и на Брянске. Но, к сожалению, источников описывающих более подробную информацию о деяниях поляков и татар почти нет. Одним из таких событий можно обозначить и сожжение Брянска в 1582 году по прошествии 10 дней со дня заключения Ям-Запольского мира. Затрагивая данный вопрос, при исследовании этого события, появляются сомнения в его существовании, ведь во многом, источников, подтверждающих это, мало

Начало исследования ознаменовалось поиском источников как о Ливонской войне, так и о Брянске. Поначалу, различные источники локального характера содержали информацию о том, что сожжение Брянска носит фактический характер, хотя ссылок на источники не представлялось, что затрудняло работу исследования. Но, одним из источников, представляющих интерес, стала книга Фёдора Анатольевича Дмитриева (1829-1894) “История Брянска”, которая в свою очередь содержала упоминание о сожжении Брянска поляками в 1582 году. И уже у Дмитриева идёт ссылка на источник, а именно на князя Михайло Михайловича Щербатова (1733-1790), который в своей книге “История Российская” упоминает о сожжении Брянска в 1582 году:

“Однако между симъ временемъ Россія и самымъ перемиріемъ своимъ съ Польшею и Литвою, которымъ толикія уступки учинила, не могла совершанного спокойствія съ стороны оныхъ странъ приобрести ! ибо, хотя перемиріе было утверждено, но ненависть народная у Литовцовъ противу Россіи пребывала, и правленіе сихъ странъ способствующее своевольству учиняло, что желя корысти и исполняя побужденія своей ненависти, многіе отряды чинили нападенія на Россію, яко изъ Мстиславля князь Василій Черторизскій и князь Богданъ Шинковъ, обретая народъ безъ защищенія, многія грабежи и разоренія учинили. А тогда же другой отрядъ изъ Пропоиска и изъ Чичерска, подъ начальствомъ Яна Оршевскаго, и Пропоискаго старосты, приходилъ ко граду Брянску, и град сей сожегъ, а находящагося тамъ воеводу князь Ивана Лыкова пленил.” [2. С159]

Данный отрывок повествует нам о том, что после заключения Ям-Запольского мира, поляки совершали нападения на русские земли, в том числе и Брянск, который они сожгли.

Казалось бы, что работа Михайло Михайловича Щербатова уже является одним из фактических подтверждений данного события, ведь во многом его труды основаны на данных архивов и библиотек, в которых он черпал информацию для своих книг. Стоит отметить, что на М.М.Щербатова ссылаются не только Дмитриев, электронные ресурсы, но и автор книги “Повествование о России” Арцыбашев Николай Сергеевич (1773-1841). Но, М.М.Щербатов не приводит ссылок на источники, которые свидетельствуют о достоверности данной информации. В дальнейшем, по ходу повествования о разбоях, которые совершали поляки в России, Щербатов излагает последствия данных деяний, а именно направление гонца к польской стороне с грамотой, описывающей все беспорядки, которые были совершены польской стороной: “Таковые поступки Польскихъ и Литовскихъ начальниковъ понудили Царя Іоанна Васильевича, послать отъ себя нарочнаго гонца къ Королю Стефану; и для сего былъ избранъ Михайло Протопопово, съ которымъ и грамота къ Королю въ коей описаны все таковыя беспорядки, писанная въ Марте месяце, отправлена была”. [1. С.372]

Вероятно, данная грамота могла быть подспорьем для Щербатова при написании книги, но говорить однозначно нельзя, ведь сохранившегося документа нет. Вновь возникает вопрос о достоверности источников и их существовании в рамках проводимого исследования. Но при дальнейшем изучении событий, описываемых Щербатовым, выделяется фрагмент, который описывает сражение черниговцев с литовцами у Лоевой горы:

“Еще Протопоповъ не вступилъ въ Литовскія границы, какъ получено было въ Москвѣ известіе, что Черниговцы принадлежащій городъ Литве, называемой Лоева горка, сожгли. Обстоятельства сего происшествія были следующие: когда Литовцы ходили подъ Брянскъ и сожгли сей градъ, тогда уведавъ сіе Черниговцы, чиня отмщеніе за своихъ единоплеменныхъ, собравшись погнавши въ следъ за Литовцами, и достигши ихъ близъ вышеименованнаго града имели бой, ихъ разбили и градъ Лоеву Горку сожгли”. [2. С.161]

В последствии, Щербатов упоминает особливую грамоту, которую пишет Иван Васильевич “тщася сохранить во всей точности святость договоровъ”. Таким образом, мы вновь находим источник, с которым мог работать М.М.Щербатов в архиве, но вновь он либо утерян, либо отсутствует. Хотя источники Щербатова по данной теме исчерпаны и утеряны (либо отсутствуют), есть новые данные, которые позволяют подойти к данному событию уже со стороны сражения у Лоевой горы.

Находясь в поисках источников, повествующих о сражении у Лоевой горы и как таковом мщении черниговцев за пожжённые земли Брянска, обнаруживаются фрагменты источников, один из которых: “Обращение Смоленского воеводы Данилы Нехтева с товарищи, да дьяки” “что литовской ж гонец Матвей Проворской пошел за рубеж в Литву марта в 4 день. И марта ж в 4 день как после посольского о мирном постановеньѣ договору приходили литовские люди ко Брянску и Брянск сожгли и и воевод и людей в полон поймали и на Дорогобужские и на белские места приходили войною и во многих местех от литовских людей учали задоры быти через приговор и крестное целованье послов государевых и литовских послов как на съезде крестным целованье на обе стороны укрепили”. [5]

В данном фрагменте прямо говорится о сожжении Брянска, а также о мирном постановеньѣ, которое также соотносится с происходившими событиями. В последствии, другой фрагмент данного источника повествует и о черниговцах, мстящих за поджѣг Брянска: “черниговские люди пришел после договору послов литовских со государевыми послы в Стефанов королев городов в Лоеву Гору да люди многих побили и пожгли и город сожгли и то они учинили через крестное целованье послов государевых и Михаилу говорит в кою пору

приходили литовские люди ко Брянску город Брянск сожгли и воевод поймали, а иных побили и в ту же пору пошли из Лоевы Горы воевал в Ноугородцкие места и в Почапские и черниговцы их дошли у Лоевы Горы да их побили и город сожгли и государь тех пленных кого взяли туто в Лоеве Горе сыскати велел, а хочет отпустит их, а Стефан бы корол отпустил, сыскав тех, которых во Брянске и во Брянском уезде и по иным местом и в Смоленске поймали государевых людей литовские люди после договору литовских послов со государя нашего послы». [5]

В дополнение, источник указывает на прямые сообщения из Чернигова о том, что сражение у Лоевой горы состоялось, но также упоминается тот факт, что сообщения о перемирии от Стефана не поступало, от чего сражение у Лоевой горы приобретает характер локального конфликта в рамках военных действий с Речью Посполитой:

«писали к нам из Чернигова наши воеводы князь Иван Долгорукой с товарищи, что литовские люди в то же время как приходили литовские люди ко Брянску приходили из Лоевы Горы многие литовские люди на Ноугородцкие места воиноу и многие места воевали и людей наших многи в полон поймали и наши люди черниговские не мога терпет многих обид от твоих людей войны за теми людьми и за полоном ходили до города до Лоева Горы и город Лоеву гору сожгли, а людей иных в полон поймали, а чернигов ещо в то время от нас о заказе грамоты не вошли и о после того наши грамоты до него дошли и по нашей грамоте черниговской воевода князь Иван Долгорукой писал в Любеч к любеческому державцу, что наш указ к нему князю Ивану в чернигов дошел, что наши послы на съезде с твоими послы договор учинили меж нас на перемире на десят лет и наш воевода князь Иван Долгорукой заказ учинил воины всчинати не велел, а Любечской бы державец по тому ж рати и воины не всчинати не велел и Любечской державец Богдан Разсудетцкой к воеводе нашему ко князю Ивану в чернигов писал в своей грамоте, что ему розказане от тебя от Стефана короля не бывало о перемире, а и Стародуба нам наш воевода князь Михаило Мезетцкой писал, что писал и по нашему указу о заказе с чичереск к державцу к Семену к Воинилу и чичерской державец по тому ж к нашему воеводе в Стародуб писал, что к нему от тебя от Стефана короля о том перемире указ не бывал и то дело с сталос, что наши люди черниговские Лоеву Гору сожгли и людей в полон поймали ещо им указ от нас в чернигов не пришел, а сталос то от твоих же людей задору, что приходили воеват в наши места в ноугородцкие и людей многих побили и в полон поймали и ты б Стефан корол про то с нами не любя не вели за то на нас не подивил, а сталось то от твоих же людей задору и вперед по всем границам заказ крепкой учинил, что б вперед задору люди твои нашим людям не чинили и воины не всчинали, а мы по всем границам заказ крепкой учинили рати и воины всчинат не велели и обид никаких чинитне велели, а про тех про твоих людей, которых в Лоеве Горе наши люди поймали сыскат велели, а сыскав отпустит велим, а ты б Стефан корол наших людей и потому ж сыскав, которых поймали во Брянске и в Смоленском уезде твои люди после договору послов наших с твоими послы потому ж отпустит велеле, а того бы к намх беречи велети накрепко с обе стороны, что б такими задоры меж нас доброе дело не нарушивалось». [5]

Документы, которые отсылают нас к данным событиям и свидетельствуют о факте их существования, это сборник о дипломатических отношениях России и Польши под названием «Сношения России с Польшей - (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718-1719 гг.» взятые из архива «РГАДА».

На основе вышеизложенных данных и фактов, разумно сделать ряд выводов.

Ливонская война представляла собой конфликт длиной 25 лет, что отразилось на последующих взаимоотношениях, даже после подписания Ям-Запольского перемирия, которые было нарушено спустя несколько дней [3; 4].

Брянск стал городом-жертвой в ходе грабежей и беспорядков, которые были устроены Речью Посполитой в 1582 году, что доказывают документальные источники.

Возвращаясь к началу данной статьи, вновь хочется упомянуть о том, что источников или ресурсов, которые способствовали бы изучению данного исторического события мало. Говоря об источниках, необходимо уточнить, что под источниками подразумеваются конкретные документальные свидетельства того периода, которые подтверждают факт наличия данного события, как в отечественной истории, так и в историческом краеведении.

Стоит подчеркнуть значимость данного события, ведь оно показывает нам настоящее отношение Речи Посполитой к Ям-Запольскому миру и повествует о святости чтения договоров со стороны Ивана Грозного, который, в попытках исправить положение из-за случившейся ситуации отправляет особливую грамоту.

Библиографический список

1. Арцыбашев Н.С. Повествование о России. Т.2, кн. 3. – М.: Университетская типография, 1838.
2. Щербатов М.М. Исторія Россійская. Т. 5. Ч. 3. - СПб.: Императорская Академия Наук, 1789.
3. Дмитриев Ф.А. История Брянска. – Орёл.: Типография А.Н.Хализева, 1894.
4. https://www.kray32.com/bryansk_history002_4.html?ysclid=lpzteew6e6354786044
5. https://history.spbu.ru/nauka/nauchnye-tsentry/286-rgnf-pogranichie-2015/materialy/913-granitsa-voennye-konflikty.html#_ftn283.

Сведения об авторе:

Щевелев Никита Юрьевич – студент факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского (Россия), E-mail: nikitasevelev195@gmail.com

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

УДК 94 (470+430) «1914/1917»

С.В. Артамошин

ГРАЖДАНСКИЙ ПЛЕН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ (РАЗМЫШЛЕНИЕ О КНИГЕ: ФЕНОМЕН ГРАЖДАНСКОГО ПЛЕНА В РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ/Отв. ред. Н.В. Ростиславлева, А. Бауэркемпер. – М.: РГГУ, 2023. – 481 с.)

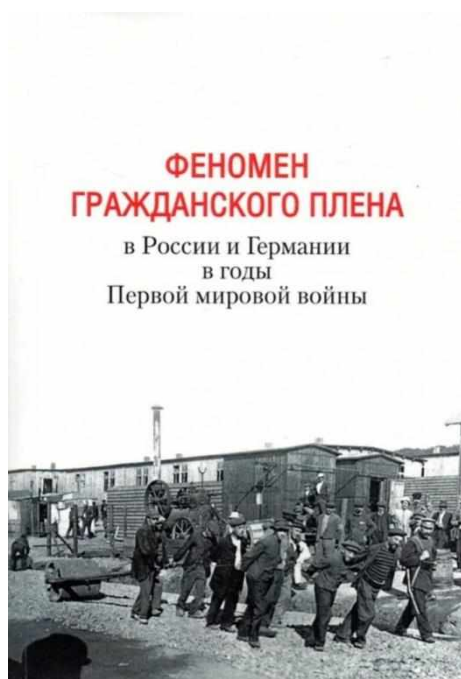
Аннотация: В статье осуществляется анализ результатов научным исследований германо-русской коллективной монографии, посвященной малоизученной теме истории Великой войны, рассматривающую проблему гражданского плена в годы войны. Политика государства в отношении гражданского населения враждебного в годы войны государства является на данный момент темой, находящейся на гребне волны исторических исследований. Понимание политики государства в отношении данной категории позволяет выявить механизм и вариативность государственной деятельности по противодействию возможным угрозам.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, кайзеровская Германия, гражданский плен, политика безопасности.

S.V. Artamoshin. Civil captivity during the Great War (reflection on the book: The phenomenon of civil captivity in Russia and Germany during the First World War / Editor-in-chief N.N. Rostislavleva, A. Bauerkemper. - М.: RGGU, 2023. - 481 p.)

Abstract: The article analyzes the results of scientific research of a German-Russian collective monograph dedicated to the little-studied topic of the history of the Great War, examining the problem of civilian captivity during the war. State policy towards the civilian population of a hostile state during the war is currently a topic that is on the crest of a wave of historical research. Understanding state policy in relation to this category allows us to identify the mechanism and variability of state activities to counter possible threats.

Keywords: World War I, Russian Empire, Kaiser's Germany, civil captivity, security policy.

Коллективная монография, подготовленная коллективом историков РГГУ и ФРГ, рассматривает проблему феномена гражданского плена на опыте Российской империи и кайзеровской Германии в годы Великой войны. Данная проблема долгое время оставалась на периферии исторических исследований, сконцентрированных на вопросах внешней политики, военных действий и военнопленных. Формы гражданского плена долгое время оставались не изученными и благодаря стараниям авторов есть надежда, что наши знания о внутренней жизни воюющих государств существенно расширятся.

Монография состоит из 6 глав, в которых рассматриваются проблемы взаимодействия культуры безопасности и гражданского общества, степень изученности вопросов гражданского плена в зарубежной и отечественной историографии, политика Германии в отношении русских подданных и политика Российской империи в отношении немцев, находившихся на территории страны, метаморфозы идентичности в условиях вооруженного конфликта, а также вопросы гуманитарной помощи и деятельности гуманитарных организаций в 1914-1917 гг. Постановка авторским коллективом проблем обладает ярко выраженной новизной, что придает исследованию дополнительный вес. Авторы четко определяют понятия, которые используются в исследовании, так как это вызвано не только стремлением ввести в российский научный оборот современный понятийный аппарат по проблеме, но и сделать исследование понятным для зарубежного читателя.

Авторы подчеркивают, что данное исследование призвано внести вклад в изучение интернирования как глобального феномена. Под интернированием понимается «ограничение в правах гражданского населения враждебных государств». Отличительной чертой интернирования является то, что «интернирование – это политика возмездия» (С.9-10). В этой связи оправданным является стремление авторов к зеркальности изложения материала сквозь практику в Германской и Российской империях. Большое внимание уделяется рассмотрению феномена гражданского плена на фоне общего эмоционального восприятия друг друга. Авторы используют новое для отечественного читателя понятие конфинирование, которое уже давно утвердилось в зарубежной исторической науке. Под конфинированием понимается ограничение в правах. Интернирование предусматривает размещение людей в лагерях. Историками сразу оговаривается, что кайзеровская Германия и Российская империя имели различный опыт обращения с гражданским населением. Если в Германии гражданские пленные содержались в специальных лагерях, так и в лагерях военнопленных, где находились помимо мужчин еще женщины и дети, то Российская империя не содержала гражданское население в лагерях, а выселяло его во внутренние районы, причем это касалось и военнопленных, которые достаточно часто находились не в лагерных условиях (С.62-63). Следует подчеркнуть, что авторским коллективом предпринята попытка проследить осмысление и изменение стереотипов в интерпретации интернирования, что изложено с приведением разнообразных примеров.

Комплекс заявленных проблем находится в рамках проведения государством политики безопасности в условиях вооруженного конфликта. Данное явление значительно многообразнее привычного термина проведения ограничительных мероприятий и политической пропаганды. Фактически перечисленный выше проблемный ряд укладывается в сферу политики безопасности. Политика интернирования, проводимая государствами, носила многообразный характер. Она служила как изоляции потенциально опасных граждан, которые могли совершать шпионские действия в пользу противника, так и способствовала формированию политической лояльности собственных граждан в условиях начинавшейся тотальной войны (С.60).

Авторы подробно останавливаются на формировании образа врага, как среди воюющих сторон, так и в среде гражданского населения. Убедительны утверждения авторов о том, что восприятие противника было достаточно лабильным. Все зависело от того, насколько довели

над сознанием стереотипы, которые разрушались, например, в Германии при близком личном контакте или в условиях экономического взаимодействия (С. 125). Авторы приходят к выводу о том, что восприятие России в Германии было различным, но в условиях войны доминировало негативное восприятие.

Фактический материал 4 главы позволяет увидеть трансформации образа вражеского гражданского человека в условиях разнообразных культурных практик и взаимодействий. Авторы изучают процесс исторической политики, проводимой странами в отношении друг друга, направленный на демонстрацию отрицательного опыта. Конечно, все это определялось необходимостью проведения мер, направленных на обеспечение безопасности страны в условиях войны, однако политизирование истории сыграло злую шутку с ее творцами, которые как лично, так и их сочинения, оказались на свалке истории. Авторы исследуют редакционную политику в данном вопросе, отмечая, что историки, делая свой выбор в пользу «патриотической позиции», теряли свое профессиональное лицо (С. 187-191). Относительно общественных настроений, то, на наш взгляд, авторы совершенно верно подчеркнули особенность так называемых «патриотических акций», направленных на нанесение вреда имуществу лиц, с немецкими фамилиями. «Чем больше толпа втягивалась в погромную деятельность, тем чаще патриотические устремления затмевались желанием пограбить» (С. 204). Борьба против немецкого засилья и шпиономания служили политическим властям средством консолидации общества.

Важной частью исследования является обращение к рассмотрению регионального компонента проведения политики безопасности. В традиционных районах Российской империи с компактно проживаемым немецким населением конфликты во многом проходили на национальной почве и были направлены на изъятие земельной собственности немецких российских подданных и присвоение ее литовским, латвийским и эстонским населением. В этих действиях, под прикрытием слов о «патриотической позиции», скрывалось стремление данных групп разрушить право собственности и политическое присутствие немецких российских подданных в политическом пространстве региона. В последний военный год это вылилось в парад суверенитетов Латвии и Эстонии с ярко выраженным антинемецким курсом стран-лемитрофов.

В конечном счете, можно отметить, что в воюющих странах политика в отношении гражданских пленных носила плюралистичный характер. Демонстрация авторами феномена гражданского плена на глобальном и региональном уровне позволяет проследить особенности и нюансы политического курса и политических практик, отсутствие гомогенного подхода к восприятию данных групп населения. Практика государственной политики, и это подтверждается текстом исследования, позволяет утверждать, что кайзеровской Германии грань между интернированным и конфинированным была достаточно тонкой.

Рассмотренный в коллективной монографии круг вопросов дает важное приращение знаний по истории Великой войны, поднимая вопрос гражданского плена, и может служить началом более масштабного исследования вопроса путем плодотворного сотрудничества историков двух стран.

Сведения об авторах:

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: artamoshinsv@mail.ru

УДК 94

С.В. Артамошин

ЗАГОВОР 20 ИЮЛЯ 1944 Г. В ГЕРМАНИИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ: ХАВКИН Б.Л. ЗАГОВОР. НЕМЦЫ ПРОТИВ ГИТЛЕРА. – СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2024. – 272 С.)

Аннотация: В статье рассматривается попытка покушения на А. Гитлера 20 июля 1944 г., совершенная военными заговорщиками. Это наиболее яркое проявление сопротивления нацистскому режиму в Германии, которому посвящена огромная литература в ФРГ. Книга Б.Л. Хавкина вносит вклад в анализ отдельных эпизодов сопротивления и судеб участников этого движения.

Ключевые слова: нацистская Германия, Сопротивление нацизму, заговор 20 июля 1944 г., Клаус фон Штауффенберг, разведка.

Artamoshin S.V. Conspiracy of July 20, 1944 in Germany (Reflections on the book Khavkin B.L. Conspiracy. Germans against Hitler. - St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2024. - 272 p.)

Abstract: The article examines the attempt to assassinate A. Hitler on July 20, 1944, committed by military conspirators. This is the most striking manifestation of resistance to the Nazi regime in Germany, to which a huge literature in Germany is devoted. Book by B.L. Khavkina contributes to the analysis of individual episodes of resistance and the fate of participants in this movement.

Keywords: Nazi Germany, Resistance to Nazism, plot of July 20, 1944, Claus von Stauffenberg, intelligence.

Книга доктора исторических наук, профессора РГГУ Б.Л. Хавкина продолжает его исследования, посвященные истории нацистской Германии и Движения Сопротивления нацизму. В своем новом исследовании автор обратился к сюжету заговора 20 июля 1944 г., связанного с неудачной попыткой убийства Гитлера полковником К. фон

Штауффенбергом в Ставке Гитлера. Тема 20 июля 1944 г. многогранно исследована в германской историографии и имеет сотни работ, в виде книг, статей, публикаций документов. Казалось бы, что можно дополнить к уже сказанному? Б.Л. Хавкин своей работой показывает, что есть еще некоторые пробелы в биографии судеб участников заговора, которые можно рассмотреть благодаря материалам Архива ФСБ РФ из следственных дел немецких военнопленных.

Книга дает возможность познакомиться с рядом биографических портретов участников заговора, а также процесса развития военного движения Сопротивления в нацистской Германии. Автор основательно прослеживает этапы формирования военного и гражданского Движения 20 июля, отмечает поворотные моменты его развития. Подчеркивается, что актуализация внешнеполитических вопросов в программе Движения 20 июля во многом определялось положением на фронтах. Б.Л. Хавкин поддерживает суждение о двух направлениях, западном и восточном, в среде заговорщиков, что означало, соответственно, стремление к выстраиванию отношений с Великобританией и США, и установление отношений с СССР в процессе обсуждения перспектив заключения мирного соглашения.

Б.Л. Хавкин большое внимание уделяет сюжетам, связанным с деятельностью противников Гитлера по информированию советской стороны о планах нацистского правительства. Проблема деятельности советской разведывательной сети в Европе постоянно привлекает внимание, и материалы, проанализированные автором, вносят существенный вклад в попытку разобраться в потоке разведывательной информации и степени участия отдельных лиц в создании разведывательной картины сложных политических отношений. Следует отметить, что проблема антинацистской борьбы и шпионажа в пользу вражеского государства является очень тонкой, сложной и противоречивой. Очень часто это зависит от государственной принадлежности и политических позиций историков. Такой вопрос возникает при определении сущности деятельности – что такое «Красная капелла»? - антинацистское сопротивление или шпионская сеть советской разведки? Б.Л. Хавкин придерживается мнения, что в основе разведывательной деятельности А. Харнака и Х. Шульце-Бойзена лежали левые и антинацистские убеждения, и их деятельность представляла собой эффективную систему советской разведывательной сети в Германии, т.е. их можно определить как антинацистских шпионов. Вообще, примерно треть книги посвящена разведывательным сюжетам, которые реконструируются автором на основе, в том числе и архивных материалов.

Б.Л. Хавкин подчеркивает, что коалиционное правительство А. Гитлера достаточно быстро обозначило свою внутривнутриполитическую и внешнеполитическую программу уже через 4 дня после формирования кабинета, когда рейхсканцлер выступил перед 30 генералами рейхсвера. Автор отмечает, что «стратегические цели командования рейхсвера и Гитлера совпадали. Связующим звеном между нацистами и генералами стал Гинденбург» (С.24). Интересно то, что информация о содержании выступления легла на стол советского руководства через 3 дня в качестве конспекта речи Гитлера. Б.Л. Хавкин отмечает, что источником информации была дочь главы рейхсвера генерал-полковника барона К. фон Хаммерштейн-Экворда, завербованная советской разведкой. Лицом, которое завербовал ее, был агент Коминтерна Лео Рот, имевшим партийную кличку Руди, которого автор называет «близким другом» обеих дочерей главы рейхсвера (С. 25-26). Следует отметить, что автор опускает важную деталь, которая омрачает эту историю. Дело в том, Лео Рот совратил младшую дочь генерала, тогда несовершеннолетнего подростка, сделав ее своей любовницей, а затем сделав любовницей и старшую дочь Хаммерштейн-Экворда. Фактически эти действия Лео Рота, которые сейчас можно квалифицировать как педофилию, открыли по линии Коминтерна советской разведке доступ в семью главнокомандующего рейхсвером. Судьба Лео Рота достаточно тривиальна – в ходе политического террора в СССР в 1930-е гг. он был убит товарищами по партии.

Представляет интерес для отечественного читателя судьба Вилли Лемана, о которой рассказывает историк. Этот человек, сотрудник гестапо, мог послужить прототипом литературного героя романов Юлиана Семенова Макса Отто фон Штирлица. Автор подробно рассматривает жизненные пути Вилли Лемана, сделавшего карьеру в полицейском аппарате Веймарской республики, через руки которого проходили важнейшие документы политической контрразведки республики. Он был завербован в 1929 г. немецким осведомителем ОГПУ Эрнстом Куром. Свою роль сыграла любовь к ипподрому и ограниченный оклад полицейского служащего, хотя автор считает, вслед за последним куратором Лемана Б.Н. Журавлевым, что его деятельность носила бескорыстный характер и основывалась на антифашистской позиции (С. 154-156). Здесь можно указать на то, что вербовка, состоявшаяся в 1929 г., не могла опираться на антинацизм, так как нацизм в 1929 не представлял собой в Германии политической угрозы, его общегерманский политический подъем только начинался, да и информация, которую предоставлял Леман, в большей степени касалась коммунистов. Это позволяет утверждать, что все-таки мотивом были скачки. В дальнейшем личные контакты и расширение сотрудничества, ежемесячные выплаты, которые получал Леман, трансформация политической полиции в нацистской Германии сделали его противником режима, находясь на службе в гестапо. Провал Вилли Лемана в декабре 1942 г., его арест и смерть были вызваны арестом радистов и участием одного из них Роберта Барта в радиоигре, в ходе которой Москва отправила сообщение о пароле для встречи с агентом, Вилли Леманом, его домашний адрес и номер телефона. В декабре 1969 г. вдова Лемана получила от СССР ценный подарок – золотые часы, единственную награду за десятилетнюю разведывательную работу своего мужа на СССР, о чем она даже и не знала.

Новым исследованием является изучение биографии Иохима Куна, человека, который хранил взрывчатку для убийства Гитлера, близкого друга полковника К. фон Штауффенберга. Важной стороной биографической работы является то, что в основу нее было положено судебное дело военнопленного Куна из ЦА ФСБ. Материалы исследования не только открывают скрытые пласты истории заговора против Гитлера, но и позволяют на микроисторическом уровне проследить мотивацию деятельности офицеров, причастных к заговору, а также коллизии судебных заговорщиков, трагических как в нацистской Германии, где они подвергались расстрелу, повешению и гильотинированию, так и в СССР, где они отправлялись, как майор И. Кун, в каторжные тюрьмы на длительные сроки заключения. Судьба И. Куна трагична, и Б.Л. Хавкин показывает, как участие в заговоре против Гитлера, бегство к противнику, и последующие заключения в советских тюрьмах раздавили жизнь немецкого участника сопротивления нацизму.

Палитра исторических портретов, созданных Б.Л. Хавкиным, разнообразна, но имеет одну отличительную черту – высокий профессионализм и глубокое знание источников и исторической литературы по данной проблеме. Его книга, как и предшествующие работы, являются ярким исключением и единственными профессиональными исследованиями истории заговора 20 июля 1944 г. в Германии в российской исторической литературе. Будем надеяться, что отечественная историография все же подойдет к необходимости написания комплексного исследования по истории заговора 20 июля на основе современного состояния исторической науки.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: artamoshinsv@mail.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru